

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Каролина Дэй

ПОДЧИНЕНИЕ

Каролина Дэй

Подчинение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68877915

SelfPub; 2023

Аннотация

Чтобы оплатить мамины долги, я стала подчиненной на один вечер в БДСМ-клубе. Кто бы знал, что моим "доминантом" был мой преподаватель из университета, которого я терпеть не могла, и что он предложит щедрую оплату, чтобы мы продолжили. Любовь с моим преподавателем со связанными руками? Как бы не так. Или я ошиблась?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	21
Глава 3	37
Глава 4	42
Глава 5	54
Глава 6	60
Глава 7	66
Глава 8	78
Глава 9	93
Глава 10	102
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Каролина Дэй

Подчинение

Пролог

– Клуб «Пороки». Жду тебя ровно в девять вечера. Не опаздывай.

Строгий голос до сих пор не покидает разум. Вызывает дрожь по всему телу, порождает неприличные картинки в голове. Страшные и одновременно волнующие мое тело.

«Пороки».

Символично, правда? В одном слове будто хранятся ответы на все интересующие вопросы. Но это не так. Истину поведаёт лишь один человек, когда зайду и окажусь перед ним на коленях, покорно опустив голову вниз. Как он просил.

Бесполезно тянуть минуты, ждать снисхождения с небес. Я уже приняла непростое решение. Оно изменит мою жизнь раз и навсегда. И чем дольше стою здесь, тем труднее шагнуть в неизвестность.

Его условия просты и в то же время сложны для понимания. Они вызывают страх, и ужас, стоит только вспомнить увиденные картинки в гугле. Его предложение выходит за рамки приличия, оно пропитано порочным запретом. Прямо как название клуба. Если бы не обстоятельства и необходи-

мость в большой сумме для мамы, я бы не стояла здесь и не вспоминала, что привело меня к отчаянному решению.

– Вы поставите мне незначет? – робко спрашиваю у него.

– Нет, у меня есть предложение получше... Я помогу погасить долг, а ты становишься моей нижней, – уверенно произносит он, пронизывая меня темными глазами.

– Но вы же мой преподаватель. Вдруг о нас кто-то узнает?

– Если ты будешь соблюдать все правила, никто о нас не узнает. Тем более, – он поднимается с кресла и встает напротив меня. – Мне показалось, что в прошлый раз тебе понравилось.

Ложь... Наглая ложь... Ни черта мне не понравилось! Я пошла на этот шаг ради денег. Ради спасения семьи. Ради любви к близким. И сейчас иду. Потому что у меня нет выбора.

Створки двери автоматически разъезжаются в стороны, как только делаю шаг вперед. Слева стоит секьюрити, внимательно проверяет содержимое моей сумочки, просматривает клубную карту с надписью «Гость» и указывает рукой на лестницу. А скоро вместо слова «Гость» появится мое имя. Габриэль Лаундж. Поднимаюсь на второй этаж, прохожу длинный коридор в неоновом-красных оттенках.

Чувствую запах мускуса. Запах порока и запрета. Запах моего отчаянного положения. Страшно. Непривычно. Поджилки дрожат, стук каблучков раздается неравномерно,

неуверенно. Адреналин в крови заставляет сердце учащенно биться в груди. От неизвестности мои нервы натянуты как тросы. Не до конца понимаю, что ожидать этим вечером, насколько низко будет мое падение.

Замираю перед дверью. Тридцать три. Внимательно рассматриваю цифры вырезанные на деревянной поверхности. Тяну время до последнего. Прикрываю глаза, выдохнув воздух. Так надо, Габи. Так надо. Либо ты, либо тебя.

Поднимаю руку, ещё секунду позволяю слабовольно подумать о побеге, но сжимаю кулак, впившись ногтями в кожу, и стучусь три раза. Вот и все. Слышу за дверью уверенные шаги. Ещё секунда и встречаюсь с его пронзительными черными омутами, готовыми превратить меня в прах.

– Ты опоздала, – раздается низкий строгий голос, заставляющий подскочить на месте.

– Простите, я...

– Входи, – не просьба – приказ. И я выполняю его незамедлительно.

В помещении, похожей на гостиничный номер люкс, темно, тишина давит на барабанные перепонки. Гостиная в светлых тонах с небольшой барной стойкой у окна обманчиво приветлива. Ведь в одну секунду это место может превратиться в обитель дьявола.

– Располагайся, – он показывает на мягкий диван. Я присаживаюсь на мягкую поверхность, он следом. Находится на расстоянии двух мест, но все же мне трудно чувствовать его

рядом и смотреть в жгучие глаза. – Воду? Сок?

– Нет, спасибо.

Краем глаза замечаю на кофейном столике два наполненных стакана воды. Уже все решил за меня. Но у меня всегда есть право выбора, верно?

Мужчина берет свою порцию, делает маленький глоток, оставляет стакан. Наблюдаю за тем, как он завораживающе слизывает маленькую прозрачную капельку с нижней губы. Она пухлее, чем верхняя, давно это заметила. И взгляд его прямой. Пронизывающий. Он порождает желание спрятаться куда подальше и не высовываться.

– Вижу, ты подготовилась, – он окидывает внимательно черное платье до середины бедра и небольшой вырез декольте. – Ты хорошо подумала? – разрывает тишину низким голосом с легким, едва слышным акцентом.

Вот он и задал вопрос, ответ на который я долго обдумывала. Но, вопреки всем предрассудкам и аморальности своего поступка, произношу четко и вкрадчиво:

– Да.

– Что ж, – мужчина ухмыляется всего на мгновение, а затем уверенно произносит: – На колени.

Приказ. Жесткий. Не терпящий отлагательств. Сейчас он не тот человек, спешивший прийти на помощь непонимающей студентке, не тот добрый мужчина, спасший от необратимого шага. Он не мой профессор, а я не его студентка.

– С этого момента наш договор обретает силу. Ни одна

живая душа в университете не должна знать о наших отношениях. Только в этом случае ты получишь деньги.

Согласна. Сейчас я согласна на что угодно. Да и самой не хотелось бы, чтобы кто-то узнал о необычной связи с преподавателем.

– Ты выполняешь любой приказ. Я прошу раздеться – ты раздеваешься, я прошу сделать мне приятно – ты выполняешь...

... если вы попросите вскрыть себе вены, я это тоже сделаю, не сомневайтесь.

Ирония лезет в самый неподходящий момент. О таком он меня не попросит. Безопасность. Добровольность. Разумность. Главные правила, нарушение которых несет за собой тяжелые последствия.

– Впредь ты называешь меня Профессором или Профессором Салливаном, – чеканит он уверенно. – Кивни, если согласна.

Киваю, глядя в его затягивающие темные омуты.

– Умница, Габриэль.

Мужская ладонь касается моей щеки. Большим пальцем он оттягивает нижнюю губу. Эти уверенные, четко выверенные движения, этот запах, впитавшийся в легкие за какие-то несколько секунд. Этот взгляд. От него невозможно спрятаться, невозможно разорвать зрительный контакт. Невозможно пошевелиться, когда на тебя так смотрят. И без того черные глаза становятся еще чернее. Сливаются со зрачком.

Они похожи на бездну, в которую я лечу, не надев предварительно парашют.

Не могу оторваться от них. Знаю, что должна покорно смотреть вниз, как послушная кукла для утех. Должна. Но не могу. Пока что. Он не приказывал.

Профессор аккуратно расстегивает пуговицы на декольте моего платья до талии. Стягивает вниз за рукава вместе с лямками лифчика, обнажив стесненные в белье полушария и плоский живот. Его прикосновения мягкие, осторожные, но в то же время четкие, словно он продумал каждый шаг, прежде чем раздеть меня.

Чуткие пальцы уверенно поглаживают мои руки, плечи, поднимаются к шее, смыкаются на ней. Большой палец чуть надавливает на кадык. Контролирует дозу кислорода в легких. Страх подступает к горлу, но тут же уходит на второй план, когда мужчина ослабляет хватку, а твердый голос проносит:

– Ты готова служить мне? – поднимает уголки чувственных губ.

– Да, Профессор.

Теперь назад пути нет. Его и не будет. Только что я подписала личный договор с дьяволом. Врата порока защелкиваются за спиной. Я сама сделала шаг в пропасть. Ради семьи. Ради любимых людей.

Теперь будь что будет.

Глава 1

– Так, сегодня нужно сходить в деканат за списками, завтра устроить собрание совета, а в четверг... Эй, Габи, ты вообще меня слушаешь? – раздаётся над ухом звонкий голос.

– А? Что? – отвлекаюсь от телефона на зов подруги.

– Нам в деканат нужно сходить, а завтра на собрание. Помнишь про бал?

Помню-помню. Лучше бы не запоминала.

Как всегда, Лили сидит около меня с раскинутыми на парте блокнотами бумагами и прочей канцелярией. Еще немного, и она вытеснит меня на самый край. Куда дальше? И так сидим на последнем ряду. С одной стороны подруга, а с другой – девчонки из гламурного клуба. Рядом с ними лучше не садиться, иначе лекцию не услышишь за шушуканиями. Но сегодняшний день исключение – Лили ждет важный звонок и собирается часто выходить из аудитории. Прямо на занятии.

– Зачем нам в деканат?

– Ты опять все мимо кшей пропустила! Мне нужен список первокурсников. Вдруг кто-то захочет вступить в наш комитет? Мне помощь не помешает!

Ах да, совсем забыла. Лили заведует университетской жизнью. Бойкая, целеустремленная, пробивная до мозга костей. И рядом с ней я... Нет, не тихая, как вы могли поду-

мать. Скорее не такая шумная, как моя лучшая подруга и соседка по общежитию. Наверное, если бы мы спали в одной комнате, то я бы засыпала ближе к трем часам ночи, а не в одиннадцать, как обычно.

Но это так, пустяки. Пока млушаю подругу, листаю ленту в телефоне. Здесь он один, здесь с лучшим другом, а на следующей обнимает меня и целует в подставленную щеку.

– Снова на него в Инстаграм любишься? – Лили любопытно вытягивает шею. Ох, черт, надо было телефон заблокировать, пока она ничего не увидела.

– Нет!

– Дай сюда! – подруга отнимает мой айфон, снимает блокировку и устало вздыхает. Имеет право, уже который раз попадаюсь на одном и том же. – И долго ты будешь пялиться на его страницу?

– Ничего я не пялилась. Просто...

– Просто что? Уже соскучилась? – она иронично приподнимает брови.

Как же ты сейчас права, подруга. Соскучилась не то слово. Сердце трепетно подпрыгивает каждый раз при одном воспоминании, душа не на месте. Интересно, чем он сейчас занимается? Может, на тренировке? Или на занятиях. Первое, скорее всего – его расписание помню наизусть.

– Не переживай, скоро увидите. Ты вроде после занятий хотела умыкнуть?

– Ну да.

– Тогда терпи! – причитает Лили. – Но сначала мы сходим в деканат! Как звонок прозвенит, езжай хоть на все стороны света.

Только получится ли? Сегодня пятница, мне никто не запрещал покидать кампус. Надеюсь, преподаватель по культурологии не станет в первый же день закидывать нас заданиями с еженедельной отчетностью.

– Кстати, мне девчонки из группы поддержки сказали, что к нам молодой профессор перевелся.

– Неужели?

– Да-да. Говорят, красавчик, как Дэвид Ганди, – темные угольки Лили тут же заблестели от предвкушения.

– Ага, и такой же старый? – добавляю иронично. – Преподаватели-красавчики да еще и знающие свой предмет бьют только в сказках.

– Ну ты и зануда, Габи! Вот он зайдет, сама будешь слюнки пускать!

Прости, подруга, но сейчас я не могу быть веселой. Всего неделя вдали от дома, а уже все как на иголках. Не могу нормально есть, спать, даже поиски работы откладываю на потом, потому что все мысли уходят далеко от университетских забот и нового семестра. Начало второго курса, а я уже мечтаю о каникулах, чтобы поскорее вернуться в родные стены, к родным людям.

– Доброе утро, – произносит громкий мужской голос, а сразу за ним появляется его обладатель.

С высоты поточной аудитории не могу разглядеть его лицо. Мужчина опускает голову и достает что-то из своего портфеля. А затем поднимает темные, как ночь, глаза, внимательно оглядывая каждого из нас.

Сбоку, где сидят «гламурные девчонки», тут же раздается шепот. Он разносится как змейка вниз, к другим моим сокурсникам. Начинается. Сначала парни из футбольной команды, затем красавчик с четвертого курса, а теперь новый преподаватель. Когда на этот раз утихнет трепет? Давайте делать ставки. Лет через пять, не меньше.

– Я же тебе говорила, – толкает локтем Лили. – Дэвид Ганди в сторонке курит. Потрясающий красавчик.

И как она разглядела в нем красавчика с нашей высоты? Хм... Брюнет. Короткострижен. В черном костюме. Плечи еще широкие. Наверное. Сложно разглядеть отсюда. Ну, лицо, скорее всего, симпатичное и пропорциональное. А остальное...

Он точно копия Ганди?

– Меня зовут Профессор Салливан, – записывает свое имя на доске. Красивый подчерк, кстати. И широкий. Спасибо, что учитываете далеких пташек, как мы с Лили. – В этом семестре я буду преподавать у вас культурологию...

– Боже, какой у него голос, – слышу справа восторженный возглас.

– И не говори. А какая харизма...

И как они распознают его харизму? Объясните! Я ни чер-

та не понимаю! Он и пяти минут в аудитории не пробыл, а девчонки уже начинают привязывать ему несуществующие качества. Остается только хмыкнуть. Главное, чтобы Лили на меня не посмотрела презрительно, как те гламурыши.

– Познакомимся в процессе занятий, а сейчас я расскажу план на семестр.

Хм... голос действительно красивый. Слова четко выговаривает, низкие нотки с капелькой хрипотцы ласкают слух. Да и легкий восточный акцент ему идет. Но, стоит ему продиктовать список тем, которые мы будем изучать, я отвлекаюсь от разглядывания нового лица и... ужасаюсь. Их не просто много, их слишком много. Я едва успеваю за ним записывать, да еще и вечные блокноты Лили лежат так, что облокотиться некуда.

– Ты не могла бы...

– Ой, мне звонят, – шепчет она и тихо выходит в коридор. Да, место мы выбрали удачное – около двери в самом колу аудитории, а беззвучный звонок спасает мою подругу от гневного взгляда профессора.

Интересно, эта канцелярская хрень так и будет здесь валяться? Она ужасно мешается. Ладно, попробуем вот так.

– Вы, – мужской голос раздается громче, чем обычно. Ребята мигом оборачиваются назад. Точнее на меня. Черт! Видимо, слишком громко передвигала канцелярию подруги со всякими висюльками и закладками на цепочке. – Почему не записываете темы?

На меня моментально уставляется пронзающий темный взгляд. Слишком темный, даже Лили не сравнится с ним. Чувствую его сильнее всех остальных. Лицо горит, не знаю, куда деть пальцы, не смею поднять глаза на преподавателя. Черт, как же стыдно! Так, Габи, собери волю в кулак. Тебе нужно набраться смелости, взглянуть на нового профессора и четко произнести:

– Простите.

Вот, молодец. Умеешь, когда захочешь.

– В следующий раз разберитесь с беспорядком на парте прежде, чем начнется занятие.

Это вы моей подруге скажите! Она, кстати, за дверь вышла. Вы разве не заметили? Ладно, плевать. Все равно эти слова вслух не произнесу, не подставлю.

Лили возвращается спустя десять минут и все же убирает со стола свои закладки и блокноты. В этот раз профессор Салливан замечание не делает, только смотрит иногда косо. Чаще на меня, нежели на Лили. Надеюсь, он не записал мою скромную персону в черный список. Я вовсе не виновата, честно-честно.

– К следующему занятию подготовьте, пожалуйста, список памятных мест, где вы побывали этим летом. Свободны, – произносит мужчина, после чего аудитория наполняется шорохом бумаги, звяканьем ручек и легкими женскими смешками.

Мимо нас проходят девочки с гламурного клуба, размахи-

вая вперед-назад сумками от Шанель. Окидывают нас с подругой снисходительным взглядом и уходят. Особенно Элен Роланд. Никак не успокоится, что советом управляет не она, а моя гиперактивная Лили.

– Ну что, ты пойдешь со мной? – она стоит возле двери с сумкой-мешком наперевес, поглаживая поверхность темными пальцами.

– Ты иди, я тебя догоню.

И нет, я не составляю компанию подруге не потому что не хочу видеть лицо педантичной миссис Томпсон. Мне нужно решить одно дело, пока профессор Салливан на месте. Ведь я вряд ли смогу выполнить его задание, учитывая, что кроме нашего маленького домика в пригороде и летнего кафе я не видела ничего за каникулы.

Лили, надув полные темно-коричневые губы, уходит вслед за однокурсниками, а я спускаюсь вниз к кафедре. Профессор Салливан заполняет какие-то бумаги и не сразу поднимает голову.

Только сейчас внимательно могу рассмотреть то, от чего девчонки наверняка сейчас вопят в коридоре. На вид лет тридцать, не более. Черные как уголь глаза миндалевидного разреза, чуть полноватые губы, которые не делают из него девчонку с перекачанным силиконом вместо рта. Ничего, в общем-то, если смотреть на него как на мужчину. Но этот вопрос не ко мне, спасибо.

– Профессор Салливан, – а вот пояснять причину свое-

го обращения немного затруднительно. Главное, чтобы язык не заплетался. Давай, Габи. Смелее. – У меня возникла одна проблема.

– Я вас внимательно слушаю, мисс...

– Лаундж... Габриэль Лаундж.

– Так... – он находит в списке мое имя и поднимает глаза. – Какая проблема у вас возникла?

– Дело в том, что во время каникул я не посетила ни одно историческое место. Вы не могли бы дать мне другое задание.

Что-то мне совсем не нравится, как профессор рассматривает меня. Конечно, я все понимаю, любопытство, задумчивость над моими словами, но это не значит, что меня нужно сканировать с головы до ног. Подумаешь, пришла в клетчатой красной рубашке и джинсах. Что здесь такого? Я же не из тех гламурных девчонок, расхаживающих в дорогих платьях из новой коллекции от «Шанель».

Меня смущает не только любопытство в прищуренных глазах, но и сведенные на переносице брови, буквально кричащие о недовольстве моими словами. Или о задумчивости? Что-то я совсем запуталась.

– Давайте поступим так. В воскресенье я приеду сюда на полтора часа. Зайдите в мой кабинет, я подготовлю для вас индивидуальное задание.

Он что, пошел мне навстречу? А по взгляду и не скажешь, что он так легко согласится. Я думала, профессор из тех, кто

любит мучить студентов до последнего, пока тот не будет на коленях умолять поставить оценку за семестр. По себе знаю, уже сталкивалась с таким умником по этому же курсу. Взять культурологию повторно меня уговорила Лили, когда узнала об увольнении профессора Диккенса.

– Большое спасибо! – выкрикиваю слишком радостно. В ответ профессор Салливан слегка улыбается. А ему идет, кстати.

– Ступайте. И не опаздывайте. Ровно в три.

Да-да, я все поняла. Теперь профессор Салливан станет моим самым любимым преподавателем. После конфуза во время занятий он не отчитал меня. Спасибо! Главное, чтобы преподавал хорошо предмет и не заваливал на экзаменах и проверочных. Надеюсь, так и будет.

– О, ты уже освободилась? – в коридоре на третьем этаже сталкиваюсь с Лили – она только что вышла из кабинета миссис Томпсон.

– Да. Пошли перекусим! Хочу подкрепиться перед поездкой.

– Давай, – подруга тут же берет меня за руку и ведет по коридору к выходу. – Я заодно тебе все новости расскажу!

Ой-ой-ой. Если она начнет передавать все слухи, до кафетерия мы точно не дойдем.

– Представляешь, профессор Салливан теперь новый заведующий кафедры! Недавно защитил то ли докторскую, то ли кандидатскую, приехал к нам из Лондона!

– И что?

– Как что? – Лили округляет глаза. – Где ты еще видела таких преподавателей-красавчиков? К тому же еще и умных.

– Не факт, что он умный, всего одно занятие прошло. Может, ему кто-то помог так пробиться. Такого в жизни не бывает.

– Позвольте это мне решить, дамы, – раздается позади низкий голос с восточным акцентом.

Вместо того, чтобы идти вперед, тут же замираю на месте и торможу ребят позади. Коридор не особо широкий, позади начинают верещать о «тормозах на дороге». Однако, стоит им увидеть рядом преподавателя, тут же замолкают и тихонько добавляют: «Добрый вечер, профессор Салливан».

Только мне так легко не отделаться. Простым добрый вечер я не сделаю вид, что слова о познаниях нашего преподавателя шутка из последнего стендап-тура какого-нибудь начинающего комика. В груди тут же просыпается безошибочное чувство стыда. Ноющее и досадное. Именно оно не позволяет сразу повернуться к профессору и взглянуть в его темные глаза. Принять вину за сказанные вскользь слова. Черт! И, судя, по выражению лица, он не особо доволен моими высказываниями на свой счет.

– Вы не забыли о нашей договоренности в воскресенье, мисс Лаундж? – спрашивает преподаватель, не отрывая от меня угольно-черного взгляда.

– Д-да, конечно.

– Ровно в три. Не опаздывайте.

Он снисходительно окидывает Лили глазами, затем обходит нас и ступает прочь, оставив за собой чувство недосказанности и страха.

– А что у вас с красавчиком в воскресенье?

Это неважно, Лили. Совсем. Потому что ровно в три часа, чувствую, меня ждет самое страшное наказание. Пострашнее поездки домой и высказываний об умственных способностях нового преподавателя.

Ох, кажется, я попала по самое не хочу...

Глава 2

Поздней ночью здесь всегда тихо. Ни единого шороха, ни травинки не пошевелится, ни сильные ветра не побеспокоят. Ничего. Но когда раздастся громкий стук крышки от мусорного бака об асфальт, округа понимает – дверь лучше никому не открывать. Но исключения всегда бывают, правда?

Мой домик находится в конце улицы. Маленький, одноэтажный, отличающийся от остальных своей ветхостью. Вроде бы этим летом красила забор с новой зарплатой, пыталась облагородить фасад красными гортензиями, которые закрывали облезлые куски желтой краски.

Но все равно что-то изменилось.

В темноте мало что можно разглядеть. Интересно, зачем мама выключила уличные светильники? Я же писала, что приеду. Спят, наверное. Тогда почему в гостиной свет включен?

– Габриэлла приехала! – по каменной дорожке, едва не спотыкаясь, бежит мой маленький герой. Вышел в чем есть, даже курточку не надел, которую я купила перед отъездом в кампус.

– Как поживает мой Дэни? – обнимаю своего брата и рассматриваю лицо самого главного мужчины в моей жизни. Ведь ради него приехала сюда сквозь пробки.

– Отлично! Мне поставили А за ответ! – он довольно вы-

пачивает грудь.

– Это хорошо. У тебя еще сохранились пакеты с попкорном?

– Ну... – малыш тупит взгляд на тапочки. И обувь нормальную не надел. – Там Патрик взял упаковку, но еще одна должна остаться.

– Патрик?

Только не говорите, что мама привела нового ухажера домой в девять вечера? Да еще и при десятилетнем сыне? Тут же захожу в дом. Бросаю на пол рюкзак с небольшими пожитками, вытираю мокрые после дождя кроссовки о коврик. Тут же в нос проникает запах спиртного, из гостиной доносятся голоса звезд из вечернего шоу по ББС и чьи-то смешки. Принадлежат они не моей маме.

– Что здесь происходит?

Женщина, которую я привыкла за девятнадцать лет называть мамой, сидит развалившись на потрепанном диване в гостиной. На кофейном столике, пережившим, казалось, вторую мировую, стоят пять бутылок пива, чашка с попкорном на дне и небольшой бокал с виски. Наполовину пустым. А рядом с ней восседает мужчина с пивным брюхом и залысиной на темечке. Так и знала, что сорвется! Знала и все равно уехала в университет.

– Мам, ты уверена, что лечение тебе помогло? – внимательно заглядываю в родные медовые глаза, ладонью приглаживаю темные волосы. Уезжать из дома всегда тяже-

ло, особенно непросто, когда каникулы заканчиваются, а родные смотрят на тебя так, будто прощаются навсегда. Но это же не так, верно?

– Не переживай. Клиника пошла мне на пользу. Недавно я записалась в клуб анонимных алкоголиков, они помогут держаться в тонусе, – улыбается мама полными, как у меня, губами. – Тем более я нашла работу, мне не до выпивки.

– Если что-то случится, сразу же мне звони. Я люблю тебя.

– И я тебя люблю, Габи, – из правого глаза стекает маленькая слезинка. – Ты уже такая взрослая, такая самостоятельная.

Да, мам. С тобой невозможно не повзрослеть, особенно после смерти папы. Но это так, ерунда. Главное, не забывай о Дэни, он не должен видеть тебя такой, какой видела я. Он еще ребенок, пусть хотя бы у него будет детство. Надеюсь, моих заработанных денег хватит на пару месяцев, пока ты будешь на испытательном сроке в той маленькой фирме.

– Я спрашиваю, что здесь происходит? – интересуюсь громче, прогоняя воспоминания недельной давности.

– О, Га-а-аби! – развязно протягивает мама. – Ты на выходные приехала? Что привезла?

Слишком много вопросов возникает в голове. В особенности о том, что у нас поздно вечером делает совершенно незнакомый мужчина.

– Габи хотела попкорн! – раздается сзади мальчишеский

голос. – Патрик, ты обещал отдать!

– Да? – грубый бас не сразу врывается в мое сознание. Меня больше беспокоит сальной взгляд, скользнувший по моим джинсам и непромокаемой куртке с недавней распродажей. – А мы с Ванессой его съели.

– Кто вы такой? – обращаюсь к обладателю противно-пьяных глаз.

– Милая, не переживай, это мой знакомый из клуба анонимных алкоголиков, – посмеивается мама и громко икает. – Мы решили немного расслабиться на выходных.

– Расслабиться? Вот это ты называешь расслабиться? – показываю на бутылки пива.

– Слушай, девочка, ты чего развопилась? – мужчина подает голос.

– Действительно. Ты чего, Габи, – вторит мама.

Что за бардак здесь происходит? Да еще за всем этим наблюдает Дэни, любопытно хлопая большими серыми глазами.

– Милый, – шепчу на ухо брату, – между ящиками на кухне лежит запасная пачка попкорна на черный день. Приготовишь для меня?

– Да!

Мой герой тут же убегает на кухню и громко ищет заветный попкорн между ящиками. Надеюсь не услышит мое громкое:

– А теперь вон из моего дома!

– Эй, малявка! Полегче на поворотах!

– Я сказала вон! Или мне вызвать полицию? – внимательно смотрю на в миг протрезвевшее лицо незванного гостя. Весь съеживается, смотрит, как провинившийся ребенок снизу вверх. Вот так-то.

– Ванесса, позвони, когда будешь свободна.

Мужчина со второго раза поднимается с дивана и чуть кривоватой походкой покидает наш дом. Так, с одной проблемой разобрались, теперь надо приступить к другой. Капельницы у меня не осталось, звонить в неотложку нет смысла – она не так сильно пьяна.

– Ну и что ты натворила? – мама встает с дивана, тоже, кстати, со второй попытки, и упирает руки в бока. – У меня только-только жизнь начала налаживаться, а ты пришла и все испортила!

– Я? А кто клялся, что не возьмет в руки бутылку? Кто обещал мне, что не будет больше пить никогда в жизни? Я не говорю о том, что не нужно приводить в дом кого попало при маленьком ребенке!

– С чего это яйца начали учить курицу? Ты что, хозяйка жизни? – мама повышает тон. Ее чуть полноватое лицо краснеет, во взгляде появляется ярость наравне с опьянением. Передо мной стоит другой человек. Не моя мама. Чужая женщина, готовая разрушить наши жизни ради короткосрочной эйфории.

– Да, хозяйка! Ты же не можешь сама за собой уследить!

– Родила гадину на свою голову! Завтра же выкину все твои вещи из дома! Живи, где хочешь!

Не выкинешь. Потому что все пожитки я перевезла в общежитие, пока ты гуляла черт знает где, а маленький Дэни плакал под кроватью в моей комнате, потому что испугался одиночества.

Брата нахожу на кухне. Со спины кажется, что он внимательно следит, как в микроволновке крутится пакет с попкорном и каждый раз удивляется, когда лопается одна кукурузинка. Но стоит мне поравняться с ним и взглянуть в мальчишеское лицо, мое мнение меняется.

– Почему ты кричала на маму? – спрашивает не по-детски строгим тоном.

Слышал все-таки. А что я хотела? Сложно заглушить нашу ругать через тонкие стены. Черт! Обещала себе больше не повышать голос, когда Дэни дома и сама же нарушила его. Плохая из меня сестра. Оставила моего героя на произвол судьбы. Если бы не мамина клятва и ее работа, то вряд ли бы я уехала на третий семестр. Взяла бы академический отпуск, а потом бы доучилась. Никогда не поздно, верно?

– Потому что мама повела себя неправильно, милый.

– Я специально в Инстаграм ничего не выставлял.

То есть он все видел? Видел маму пьяную и ничего не говорил об этом?

– Почему?

– Иначе ты будешь ходить грустная все выходные. А я хо-

чу с тобой повеселиться. Ты же сводишь меня завтра на гонки?

– Конечно свожу, – потряхиваю брата по густой шатенистой шевелюре. – Пошли кино включим, а мама пока прибежится в гостиной.

Отвожу брата в нашу комнату и включаю на ноутбуке «Монстры на каникулах». Нашей она стала с недавнего времени, потому что в комнате Дэни течет крыша, а у нас не хватает денег, чтобы ее починить. Я кое-как сделала заплатку, посмотрев видео на Ютубе, но вряд ли она продержится хотя бы месяц. Пусть лучше у меня поспит, пока я живу в общежитии.

Пытаюсь смеяться вместе с братом, улыбаться смешным перепалкам между героями, но в душе все равно остается неприятный осадок.

Родила гадину на свою голову...

Лучше бы я сделала аборт и не слушала твоего отца...

Если бы не ты, я бы стала лучшей танцовщицей Соединенного Королевства...

Это не все фразочки, которые доносятся от пьяной мамы. Неприятно знаете ли слышать такое от женщины, которая тебя родила. Год назад я расплакалась из-за «жертвы аборта», когда мама впервые при нас напилась, через месяц заглушила в себе боль, а через полгода и вовсе перестала обращать внимание. Пыталась вылить весь алкоголь в доме, бороться, говорить себе, что это действие виски, ликера или пива.

Нет, это все она. Никакие оправдания больше не работают. И я прекрасно знаю, что в гостиной также не убрано, что мама сейчас наверняка сидит в туалете и договаривается с кем-то из своих дружков о ночной сходке. Скорее всего, через час захлопнется входная дверь, на выходных маму я не увижу, а лечение, которое она проходила все лето, окажется бессмысленным.

С этими мыслями я погружаюсь в сон...

Как и обещала, с утра веду своего героя на гонки в местный парк. Мы смотрим за битвой профессионалов из разных стран на трассе, едим мороженное и сладкую вату, после гуляем по городу. Дэни делает селфи и выкладывает в Инстаграм, я тоже публикую фотографии с любимым братиком.

– Ты же приедешь на следующей неделе? – с надеждой в серебристых глазах спрашивает Дэни.

– Конечно! Куда я денусь.

– А мама сказала, что ты не захочешь больше приезжать.

– Это еще почему?

– Говорит, что найдешь себе плохого парня и будешь с ним попкорн есть.

В голосе брата моментально появляется грусть, в то время как внутри меня разрастаются волны злости. А все почему? Потому что одна мадам, которая называется нашей матерью, говорит всякую ерунду на пьяную голову! Черт!

– Послушай, – присаживаюсь рядом с братом, чтобы быть на одном уровне, – даже если у меня будет миллион парней, я

никогда тебя не оставлю. Ты же мой маленький герой, верно?

– Да!

– Пойдем лучше в парк.

Только в такие моменты я забываю о реальности. О боли и страданиях. О том, что нас ждет, когда мы вернемся домой. Точнее кто. Утром маму я не видела, а в гостиной царил все тот же беспорядок.

Домой возвращаемся ближе к вечеру. Дэни чуть ли не засыпает в автобусе, да и я готова вырубиться на ходу. От остановки до дома идем еще минут десять. Гуляем, я бы сказала, потому что темп у нас очень медленный.

Однако в глубине души понимаю, что я всего лишь отсрочиваю встречу с матерью.

Не хочу заходить в дом снова видеть ее вместе с «братом по несчастью». Но рано или поздно я подойду к нашей перепачканной дорожке, взгляну засохшие кустарники, которые мама не полила вовремя, и увижу...

... что дверь в наш дом приоткрыта.

– Габи, это мама пришла? – спрашивает Дэни чересчур громко. А я пошевелиться не могу. Не могу шагнуть вперед и посмотреть, что там. Страшно.

Быстро достаю телефон, набираю три девятки и сообщаю полиции о незаконном проникновении. Вряд ли мама специально оставила открытой дверь, а я перед уходом закрыла.

– Тише. Сейчас приедут копы и разберутся. Давай пока снаружи подождем.

Мы обходим дом и заглядываем в кухонное окно рядом с черным входом. Оттуда почти ничего не видно, только осколки разбитой посуды повсюду валяются. Виновников этого беспорядка не нахожу. До одного момента. Пока не замечаю резкое движение в гостиной. Какое-то темное пятно сначала появляется в проходе, затем исчезает. А после в доме раздается громкий визг. Мамин.

– Боже... Жди здесь и не выходи! – наставляю брата, жду, когда он спрячется за стеной, а сама вбегаю в дом через кухню, сторонясь осколков.

Сердце бьется как бешеное, страх растекается в каждую клеточку тела. Страх за всех нас. За последствия, которые могут возникнуть по маминой вине. Потому что кое-кто не удосужился закрыть входную дверь. Или это все я только что придумала?

– Отпустите, кому говорю! Вы не смеете! – возмущается мама. Мне кажется, или голос слегка надломлен, будто она не так давно плакала.

– Смеем, миссис Лаундж. Сегодня вы обещали выплатить всю сумму.

– Не знаю я ни о какой сумме!

– Правда?

Сажусь на корточки, чтобы из-за тумб меня не было видно. Не рискую выглядывать из своего убежища, слышу шелест бумаг.

– Напоминаем, вы взяли у нас в кредит пятьдесят тысяч

фунтов. По договору вы обязаны вернуть деньги до сегодняшнего дня. Где они?

– Нет у меня ничего! Это вообще не я подписывала!

С мамиными проблемами потом разберусь, нужно вырубить этих мужланов, пока полиция едет. Так, на кухне должна лежать сковородка. Как там Рапунцель в мультике поступила? По голове ударила? Может, у меня также получится? Так, вон она лежит на плите, тяжеленькая. Сейчас как подойду сзади этих уродов, как врежу прямо по голове...

Но я не успеваю воплотить коварный план в реальность – за окном раздается полицейская сирена. Фух! Наконец-то!

– Это полиция! Здесь кто-нибудь есть? – раздается по ту сторону дверей.

Голоса в гостиной затихают, напряжение пробирается в каждый уголок дома. Я стою за стенкой на кухне, за окном вижу лицо своего героя. Вот и стой там, не показывайся никому. И я не покажусь. А сковородка... Так, на случай самообороны.

– Считаю до трех! Раз...

– Я здесь! Спасите! – визжит мама.

Моментально раздается сначала звон пощечины, а затем удар ногой о дверь. Слышу, как входная дверь срывается с петель, с моей стороны тоже проходят копы и натываются на меня. Со сковородкой в руках. Черт! Наверное не очень женственно выгладит со стороны, но мне плевать. Я защищалась в конце концов.

Работники правопорядка не задерживаются, обходят меня стороной и в перебежку идут в гостиную. Мой маленький герой потихоньку выглядывает из засады. Не кричит, не впадает в панику, хотя любимые серые глаза переполнены страхом.

– У вас есть право хранить молчание, – заключает полицейский, удерживая одного из бандитов в кожаной куртке. Того самого, кто ударил маму.

– Какое молчание? Эта женщина задолжала нам крупные бабки! – кричит мужчина в костюме, дергаясь в руках полицейского. Он один. Я почему-то подумала что их здесь минимум трое, когда сидела со сковородкой в засаде. Надо было с собой взять и по морде его наглой проехаться. Если бы я не приехала и Дэни был один?

– Ничего я вам не задолжала!

– Мэм? – второй полицейский садится рядом с мамой. Она полулежа сидит на диване, на темных колготках видна большая стрелка, а перед ней стоят вчерашние пустые бутылки из-под пива, но уже разбитые. – Вы как себя чувствуете? Можете дать показания?

– Конечно, могу! Этот идиот вломился в мой дом и пытал меня!

– Я идиот? Женщина, вы задолжали нашей фирме деньги! Если бы вы не просрочили договор, никто бы вас не беспокоил! Тем более вы сами открыли дверь!

Стою в ступоре, не зная, что сказать. А главное, что

делать. Полицейские спокойно уводят мужчину в машину, один из сотрудников записывает слова матери. Проникновение на чужую территорию, угроза жизни, чуть ли не до похищения дело дошло, пока из моих уст не срывается:

– Остановитесь.

– Вы что-то хотите сказать, мисс?

Вокруг сплошной хаос. Сотрудник полиции вопросительно поднимает брови, мама плотно сжимает полные губы, а я...

Я готова провалиться сквозь землю от смеси страха, агрессии и злости на одного единственного человека. Еще пять минут назад я думала, что маме угрожают расправой, что к нам в дом вломились какие-то воры, а теперь хочется убить всех присутствующих, в том числе и этого пузатого полицейского. Только объятья брата, который тихо подкрадывается позади, успокаивают меня от опрометчивого решения.

Дать показания или сделать вид, что я ничего не видела и не слышала? Промолчать о договоре, который валяется за креслом? Или же рассказать правду и сдать маму полиции. Только что это решит?

Смотрю сначала на копа, потом на маму. Она тихонько мотает головой из стороны в сторону, глядит на меня умоляюще. Как всегда.

– Ничего, – обреченно выходит из моих уст.

Полицейский заканчивает свою работу и просит маму явиться завтра в участок. Мы остаемся в нашем маленьком

доме. В личном кошмаре. В хаосе, который я всеми силами пыталась привести в порядок на протяжении трех месяцев. Где-то переклеивала обои, где-то закрывала неприглядные места тумбой или цветами в горшках за два фунта. Да чем угодно, лишь бы наш дом не выглядел как притон для наркоманов.

И сейчас он выглядит именно так с разбросанными в разные стороны подушками, с перевернутыми цветами, побитой посудой и вазами, которые стояли в прихожей на комод. Теперь здесь все серо. Грязно.

– Милый, посиди в нашей комнате. Там должно быть чисто, – говорю перепуганному Дэни. – И еще, надень наушники, посмотри мультик у меня на ноутбуке.

Тот молча кивает и закрывает за собой плотно дверь. Правильно. Лучше так, чем он станет свидетелем очередной ссоры с мамой. А я сейчас слишком зла. Даже больше, чем в первый день летних каникул, когда приехала из кампуса и хотела похвастаться хорошими отметками за год.

– Кому и сколько ты должна?

Что-то мне подсказывает, что я зря задаю этот вопрос. Сумма задолженности указана в договоре, тот мужик еще говорил. Только я не запомнила цифры – меня волновала безопасность семьи. Точнее некоторых ее членов.

Поднимаю из-под кресла тот самый договор. Не жду, когда мама промычит в оправдание какую-то несусветицу. Ищу подпись. Похожа на мамину. И тот самый пункт в до-

говоре о сроках подчеркнут синей ручкой. До сегодняшнего дня мама должна была выплатить пятьдесят тысяч фунтов, а долг она оформила...

– Год назад? – в этот момент у меня, наверное, глаза на лоб лезут. – Год назад ты взяла крупный кредит и ничего не сказала? – срывается громкий крик с моих уст.

– А что ты хотела? Меня тогда уволили с работы, а у нас кризис, сама знаешь! И что мне оставалось делать?

– А мне позвонить?

– Ты еще маленькая, чтобы решать взрослые вопросы! – вторит мама. Да, маленькая. Очень.

– В таком случае, куда ты потратила деньги?

Мамины глаза тут же взлетают вверх и мечтательно, будто разговаривают не с ней, рассматривает потолок. Боже! Когда же закончится эта несерьезность? Почему я была настолько слепа и не увидела, во что превращается любимый человек? Почему за какой-то год любящая мама стала алкоголиком, не стыдясь десятилетнего сына? Почему так? Почему?

Ответ так и повисает в тишине. Не трудно догадаться, куда они пропали, совсем не трудно. Хорошо, что я купила Дэни одежду и рюкзак к новому учебному году, иначе ходил бы мой герой в лохмотьях.

– Я приму ванную, – складываю договор и забираю себе. – Буду благодарна, если ты приберешь за собой.

– Не смей мне указывать! – тут же взрывается она. Пила. Даже сегодня пила. – Я не для того рожала, чтобы какая-то

наглая мелочь...

Остальное я не слышу. Заглушаю звуки ее голоса сильной струей воды. Пускай течет, пока я вчитываюсь в договор. Вникаю в каждую строчку, пытаюсь понять, во что мы влипли и каким образом из этого выкручиваться. Пятьдесят тысяч. Целых пятьдесят тысяч фунтов...

Я и половины за лето не заработала, не говоря уже о том, чтобы выплатить эту сумму в один день.

Черт!

Печатные черные буквы размываются влагой. Одна капля. Вторая. Третья. Не могу так. Я больше так не могу. Я устала каждый раз спасать нашу семью, я устала уезжать из дома с камнем на сердце, устала гадать, что на этот раз выкинет мама, когда будет под градусом.

Устала волноваться за Дэни, представляя, что он видит ее такой каждый раз...

Глава 3

– Габи! Габи! Просыпайся! – сквозь сон слышу громкий вопль Дэни. – Там такое творится!

Где? Что творится? О чем он? Бодрость тут же наполняет мое тело, в голове мелькают картинки вчерашнего инцидента с кредиторами. Неужели к нам опять кто-то вломился? Надеваю тапочки и бегу в гостиную, схватив с тумбочки сковородку. Притащила ее с кухни еще ночью на всякий случай. Видимо, этот самый случай настал. Тихо открываю дверь в нашу комнату и...

– Мама?

Чтобы вы понимали мое удивление. Мама убирается. Сама. На кофейном столике ни соринки, прозрачные осколки тоже убраны, даже цветы в порядке, в них теперь свежая земля. И пол чистый. Почти блестит. Дэни неуверенно прячется за моей спиной, мама вопросительно-довольно глядит на меня как ребенок, которого нужно похвалить за хорошие оценки в школе. Даже мешков под глазами нет. Свежая и отдохнувшая.

– Доброе утро, дети. Завтрак готов, – улыбается она и проходит на кухню.

Все еще находясь в шокированном состоянии, следуя за мамой. На кухне тоже чисто. На плите готовится яичница, причем не первая порция. Одна из них лежит напротив стула

Дэни. Глазунья с беконом в форме смайлика. Как в старые добрые времена, когда нас в семье было четверо. Папа... Как же тебя не хватает.

– Мамуль, а у нас какао есть? – с энтузиазмом спрашивает мой герой.

– Конечно есть. Тебе сварить?

– Да!

– Сначала почисть зубы и умойся, – встречаю я, – а то я в следующий раз не куплю тебе попкорн.

– Ладно.

Глаза братика моментально стреляют в меня недовольно, но все же он встает со своего места и направляется в ванную. И правильно. Теперь нужно разобраться со вторым ребенком.

– И как это понимать? – внимательно наблюдаю за реакцией мамы, но ничто не выдает ее, будто еще вчера она не оскорбляла меня последними словами и не одалживала крупную сумму у сомнительной кредитной компании. Вообще, сложно поймать ее на лжи, учитывая, что она стоит спиной ко мне и варит Дэни какао.

– Что понимать? Мне нельзя приготовить детям завтрак?

– Учитывая, что ты нарушила свое обещание, и теперь мы по уши в долгах, это выглядит сомнительно.

– Вот что тебе опять не нравится? – мама громко стучит руками о столешницу. – Я стараюсь как могу.

– Вижу.

– Нет, не видишь, – она глубоко вдыхает пропитанный беконом воздух, прикрывает глаза, а затем, выдохнув, продолжает: – Я ложусь на лечение. Снова.

До меня не сразу доходят ее слова, не сразу осознаю, что этим она ставит крест на нас. Летом я и Дэни были на каникулах, мы были вместе, и учеба не отнимала времени. Сейчас я в университете, Дэни в школе. С ним нужно сидеть, заниматься. Так и знала, что мне нужно было взять академический отпуск!

– А как же наши долги? Как же Дэни?

– Не переживай, Габи, я все продумала, – она довольно хлопает в ладоши, только вот я это настроение никак не могу разделить. – Дэни пока поживет со своим одноклассником, с родителями Кайла я уже договорилась.

– Ты спихиваешь сына чужим людям?

– Что значит чужим? Дэни отлично ладит с сыном Уильямсов, тем более они с удовольствием согласились меня выручить.

Мама так спокойно об этом говорит, будто решила все проблемы за один вечер. Абсолютно все. Не говорю о том, что последние несколько месяцев я опекала брата и маму, я следила за порядком в доме, я оплачивала счета и надеялась, что нашу счастливую семью можно вернуть.

Думала, что мама хотя бы обсудит этот вопрос со мной...

– И чего ты так смотришь? Ну давай, что тебя не устраивает на этот раз? – спрашивает с вызовом в голосе.

– Почему ты ничего не сказала мне?

Складывается ощущение, что в наполненная чаша гнева в этот момент разорвется. Она переполнится этим гадким чувством и будет мучить других своим ядом. В буквальном смысле. Так и чувствую, как он течет в венах и готов выплеснуться на одного единственного человека.

– А я вернулся! – Дэни садится за стол уже с чистыми руками. – Мам, а когда я поеду к Кайлу?

Что? Он уже знает, у кого будет жить? Когда она успела его обработать? Я думала, Дэни проснулся почти одновременно со мной.

– Как только мы позавтракаем.

Мама подпалила предыдущую яичницу и приготовила новую. Затем села за стол, будто ничего не произошло, и веселилась вместе с Дэни. А у меня кусок в рот не лезет. От шока. От нереальности происходящего. Моего младшего брата отдают черт знает кому, мама ложится в клинику, а долг...

Он так и остается открытым. До одного момента.

– Ну что, Дэни, поехали? – хлопает в ладоши мама.

– Поехали!

– Попрощайся с сестрой.

– Что значит попрощайся? – встречаю я. – Уильямсы разве не дадут мне увидеться с Дэни?

– Конечно дадут. Думаю, ты с ними договоришься, – мягко улыбается мне в ответ.

– А что будет с долгом? – задаю главный вопрос, который

волнует меня весь завтрак.

– О, спасибо, что напомнила, – она достает из ящика маленькую картонку. – Это адрес их главного. Я назначила вам встречу на три.

– Нам? Почему нам?

– Потому что мне через час нужно быть в клинике.

Все так резко. Слишком быстро, слишком информативно.

И что-то мне подсказывает, что трудности еще впереди.

Мама с Дэни уезжают, оставив меня одну в пустом доме.

В когда-то родном, чистом, но это не имеет никакого значения. Только сейчас понимаю, что он чужой для меня. Чужие стены, чужие шторы, чужие цветы. Даже моя комната теперь чужая.

Кручу в руках маленькую картонку. Неизвестная фирма «Харрисон и КО». Никогда о такой не слышала. Не удивительно, что маме так легко дали кредит. В три значит? Самое время. И я приеду ровно в назначенное время, договорюсь с этими шарлатанами, постараюсь выплатить мамин долг, только...

Только завтра на культурологии мне несдобровать...

Глава 4

– То есть вы теперь должны пятьдесят штук какой-то кредитной конторе? – чуть ли не кричит Лили на всю аудиторию. – Чего уставились? – шикает Лили. Однокурсники мельком косятся на нас, а потом возвращаются к своим делам.

– Да. Пятьдесят штук, – горько вздыхаю, вспоминая вчерашнюю встречу. Брр. Аж мурашки по коже. Неприятный, скользкий тип этот Харрисон, но более-менее сговорчивый. – Я кое-как договорилась, чтобы не брали проценты, пообещала все вернуть на этой неделе.

– Что? Пятьдесят штук за неделю? Как ты их достанешь? – подруга выпячивает глаза, пока наносит на темную кожу тональный крем.

– Понятия не имею.

Сейчас все силы вкладываю на то, чтобы не расплакаться от досады и несправедливости. Уже наревелась в ванной, когда читала договор матери из кредитной конторы, плакала, когда уезжала обратно в кампус, когда заперлась в комнате общежития, читая сообщение брата в директе Инстаграм.

Дэниэл Лаундж: «Приезжай поскорее, сестренка. Я скучаю».

Габриэль Лаундж: «Обязательно».

Теперь я еще сильнее жду выходных, чтобы весело прове-

сти время с моим героем. Я так надеюсь, что он не осознает в своей голове, что его только что кинула родная мать. Кинула нас на произвол судьбы со своими проблемами.

– У твоей мамы не осталось сбережений? – прерывает воспоминания Лили.

– Всего три тысячи. Их я сразу же отдала тому Харрисону.

– Сочувствую, подруга, – Лили поспешно обводит глаза черным карандашом. Получается почти ровная линия.

Вот что значит не услышать будильник и краситься сразу в аудитории. На этот раз она не поточная, а маленькая, предназначенная только для нашего курса. Но это не имеет никакого значения – на курс Культурологии к профессору Салливану записалось много человек, в том числе и девченок. И все они сейчас либо наводят красоту в зеркале, либо втыкают в телефоны. Все, кроме меня.

Потому что у меня поджилки дрожат от неизвестности и страха...

– А еще я опоздала на встречу с Салливаном, – выпаливаю внезапно и, как мне кажется, слишком громко.

В этот момент из рук Лили падает маленькая упаковка с тушью и залетает практически до передней стены, где стоит доска.

– Вот черт! Зачем так пугать?

– Ничего я не пугала.

– Ага, другому это рассказывай! Подожди, сейчас подниму...

– Не беспокойся. Я сама.

Поднимаюсь с места и хватаю потерявшийся черный флакон подруги. Все же я сидела ближе к проходу, тем более застала ее врасплох своей резкостью. Но меня этим не испугать. Меня больше ничем не испугать. Наверное. Кроме...

– И вам доброе утро, мисс Лаундж.

... кроме низкого голоса, обладатель которого навис над мной нерушимой скалой. Даже не так, как высотка в Лондонском Сити.

Медленно поднимаю голову, все еще сидя на корточках. Он смотрит так снисходительно. Его черный взгляд будто препечатывает к полу и требует опустить голову, как нашкодивший ребенок. И нет, дело не в мужской привлекательности или какой-то там харизме. Дело в страхе, который он развешивает вокруг себя, и в наших отношениях. А они, судя по сведенным на переносице бровям и чуть поджатым губам, не самые теплые.

– Доброе, профессор Салливан.

– Раз вы сами вышли к доске, может с вас и начнем доклад? Вы же подготовились?

Да. Подготовилась. Еще как. Вчера всю ночь сидела за ноутбуком и мучила всемирную паутину в поисках правдоподобной информации. Собирала доклад по кусочкам, репетировала речь так, чтобы ко мне никто не смог придраться. Но это невозможно. Потому что профессор раскусит меня на раз два.

Однако я не могла не попытаться воспользоваться хотя бы этим вариантом. Лучше так, чем прийти ни с чем и признать свое поражение.

– Конечно. Мне нужно взять листы.

– Начинайте так. Подсказки будут лишними.

Все тут же подобрались. Пока профессор Салливан не видит, девочки убирают косметику, откладывают телефоны и смотрят прямо на меня. А я волнуюсь. Дико волнуюсь. Без подсказок на листах, конечно, будет сложнее, но я справлюсь. Обязательно.

И я справилась.

Описала самые популярные памятные места Лондона, рассказала про экскурсию в Букингемский дворец, где якобы была в конце лета. Вчера до трех часов ночи смотрела на Ютубе видео-экскурсию.

Заканчиваю доклад и смотрю на нашего профессора. Вздрагиваю. Потому что его пронизывающий, опасный взгляд не предвещает ничего хорошего. Мне даже кажется, что сейчас в нем черти пляшут вокруг костра из адского пламени.

– Скажите, мисс Лаундж, вы провели большую часть дня в Букингемском дворце, так? – растягивает слова своим низким голосом.

– Да.

– Покажите ваши фотографии на фоне этого старинного архитектурного памятника. Вы же сфотографировались,

я правильно понимаю?

Так, стоп! Какие фотографии? Зачем? Он ничего не говорил о фотоотчете в докладе, я даже фото не искала, чтобы выдать их за свои. Черт! Что же делать? Не могу же я сказать, что у меня нет ни одной ни одного снимка с экскурсии.

– Они... они сохранены у меня на компьютере, но, если вы позволите, могу принести их после занятий и показать...

– Садитесь. Ваш ответ не засчитывается.

– Что? Почему? – шокировано смотрю на профессора Салливана. Он сидит расслабленно на стуле, покручивает в руках ручку, словно кто-то чужой сейчас поставил неудовлетворительную оценку за ответ, а я в этот момент, наверное, покрылась холодным потом.

– Недавно вы рассказали, что не смогли посетить ни единого памятного места за это лето, а сейчас так красноречиво описали онлайн-экскурсию с Ютуба. Вы соврали тогда или врете сейчас?

Мамочки... Он же готов испепелить меня взглядом. Превратить в прах. В ничто. А все из-за того, что я не смогла вчера явиться вовремя, а до этого сказала глупость о неудачных летних каникулах и отсутствии как х-либо вылазок в принципе.

– Я не...

– Семестр только начался. У вас будет шанс исправиться, мисс Лаундж. Садитесь.

Опустив голову, сажусь рядом с Лили и протягиваю ей

потерянную тушь. Она не сразу забирает флакончик из рук, а какое-то время сжимает мою ладонь. Поддерживает. Как всегда, когда у меня не ладится с учебой. И это лучше работает, чем снисходительные взгляды девчонок и усмешки на ярких губах.

Я так старалась не облажаться сегодня! Ночь не спала, чтобы написать этот гребаный доклад, репетировала свою речь у зеркала, чтобы получилось правдоподобно. Или вы злитесь, что я вчера не приехала? Простите! Да, я виновата, но у меня возникли другие проблемы. Семейные.

Если бы вы позволили объяснить ситуацию и услышали меня, то изменили свое решение насчет оценки. Может, подойти после занятий? Вдруг получится исправить? Вряд ли. Не сегодня. Я и так слишком подавлена.

Оставшееся время проходит... мимо меня оно проходит. Складывается ощущение, что на меня вылили ведро свинячьих внутренностей из фабрики по производству мясных изделий. Всем телом ощущаю взгляды однокурсников, слышу насмешки, смотрю, как они показывают пальцем во время перерывов. Даже в кафетерии не перестают глазеть, будто нечто иное спустилось с космоса и пытается захватить внимание всех студентов. Здорово.

– Не парься, Габи. Все еще впереди. Исправишься, – пытается поднять настроение Лили. Она даже заставила меня выйти на большой перемене в университетский сквер и выпить кофе. Сегодня солнце вышло, на улице совсем тепло.

Только в моей душе все равно холодно.

– Ага, исправлюсь.

– Но он жестко с тобой поступил. Ты вообще зачем к нему подошла в пятницу? Зря только силы потратила!

– Я же не думала, что моя мать возьмет кредит на пятьдесят штук! – вспыхиваю я. От навалившихся проблем, от натянутых отношений с преподавателем, от беззаботной улыбки Лили. От всего. – Лучше бы я была тупой дурой, они вообще ни о чем не переживают.

– Кому нужны тупые дуры? – раздается позади веселый мальчишеский голос. О боже, только не он.

– Эй, Стифлер, проваливай, мы заняты! – отвечает за меня Лили. Спасибо, подруга. Надеюсь, отстанет.

– Вижу, вижу, – светловолосый парень появляется передо мной и, облокотившись по обе стороны широкими ладонями, нагибается и шепчет. – Привет красавица.

Фу! Маленькая доля секунды дает мне фору, и я увораживаюсь от поцелуя Стивена Уайта – местной звезды футбольной команды. Его ведь не зря прозвали в честь главного бабника из Американского пирога. Хорошо, что у меня, в отличие от других девчонок, есть голова на плечах, которая не позволила отдаться первому встречному на студенческой вечеринке. Хотя я и тогда не была девственницей. Только тсс! Никому не говорите! Этот маньячело любит «красивых самочек».

– Ага.

– Не будь занудой, Габи. поприветствуй папочку.

– Я тебя между ног кроссовком поприветствую! – взрываюсь в ответ. И так голова забита проблемами, так еще и этот индюк нарисовался.

– Какая ты грубая, детка. Ладно, позже к вам подойду.

Фух! Ушел! Наконец-то! Вонь дешевых сигарет больше не вызывает тошноту, хотя отдышаться после смеси табака и тяжелого одеколона сложновато. Свежий воздух помогает ненадолго отойти от встречи, однако воспоминания этих выходящих и навалившиеся проблемы снова берут вверх.

Где достать деньги? Как достать деньги? Какому дьяволу мне придется продать душу, чтобы завладеть пятьюдесятью тысячами фунтов. Не хочу даже думать, куда их мама потратила. Не хочу.

– Не хочешь вечером сходить в спортзал? – внезапно спрашивает Лили, не отрывая глаз от телефона.

– Нет, спасибо. Настроения нет. И вообще...

– О, посмотрите, кто идет, – чуть ли не кричат неподалеку от нас.

Я и не заметила, как девчонки из элитного клуба во главе Элен Роланд расположились на соседней лавочке, попивая протеиновый коктейль. И смотрят. Нет, не так. Пожирают глазами предмет воздыхания.

Он уже не в костюме, как на занятии, а в кожаной куртке и таких же штанах, подчеркивающих широкие плечи и подтянутое тело. Профессор перестает быть профессором, его

выдает лишь лицо, известное всему кампусу. Он уверенно вышагивает по университетской тропинке. Смотрит только вперед, иногда кивает головой во время приветствия со студентками. Идет к автостоянке, останавливается возле припаркованного «Харлея».

– Салливан еще и байкер? – раздается голос Нэнси Лохан из той же компании гламурных девочек. – Какой он симпатяжка.

– Только слюнку не урони, – усмехается Элен Роланд, откидывая назад темные пряди.

– После тебя, подруга.

Они еще о чем-то треплются, но до меня больше не доходят их голоса. Я внимательно смотрю на преподавателя. На моего личного мучителя.

Мне кажется, или у него из-под пояса торчит черный чехол? Как в фильмах про Джеймса Бонда, когда он доставал из-под пиджака заряженный пистолет. А что? Очень похоже. Или это моя фантазия разыгралась? Наверное, так оно и есть – профессора Салливана не пустили бы с пушкой наперевес.

Однако эта маленькая деталь становится неважной, когда мы скрещиваемся взглядами. Безотрывно. Словно между нами протянули тонкую нить, готовую вот-вот оборваться, но мы всеми силами удерживаем ее непрерывным зрительным контактом.

Нечем дышать. Воздух какой-то терпкий. Задыхаюсь. Сердце бьется быстрее. Профессор Салливан по ту сторону

замирает. И я замираю. Не понимаю, что происходит. Почему. Как. В какой-то момент мужчина едва заметно приподнимает уголки объемных губ, искривляя четкую линию темной щетины. Хитро. Опасно. Обнажает ровную линию белых зубов. Затем надевает шлем и, разорвав создавшуюся между нами связь, покидает парковку.

Покидает громко и красиво...

Я словно выхожу из транса. Из глубокого. Неизвестного. Я должна злиться на него, должна ненавидеть, однако этот коктейль эмоций к профессору Салливану исчез. На время. И теперь он окутывает меня с новой силой, напоминая, что сегодня произошло на занятии.

– Габи, вставай! – Лили резко поднимается с лавочки и тянет меня за руку. Образ преподавателя в кожаном одеянии моментально исчезает.

– В чем дело?

– Я нашла решение твоей проблемы! У тебя будут пятьдесят штук!

Она сейчас серьезно или решила поиздеваться? Или наткнулась на какой-то лохотрон с разводом? Что же Лили нашла в телефоне? Слепо иду за подругой в общежитие, захожу в ее комнату, жду, когда та что-то откроет на ноутбуке и выкрикнет.

– Ты идешь в БДСМ клуб! – радостно вскрикивает подруга.

– Что?

Весь энтузиазм и радость смываются в унитаз. Лили открывает какой-то сайт с неоновыми картинками в черно-красных тонах. Перед глазами все размывается, давит. Не могу вчитаться в объявление, на которое указывает подруга.

– Смотри! Идет набор добровольцев на публичную сессию. Платят хорошо, даже слишком.

– Нет! Какой БДСМ клуб? А если меня там плеткой укокошат? – чуть ли не кричу я.

– Не укокошат, – уверенно говорит Лили. – Для Тематиков главное безопасность и добровольность.

– А если я не выйду оттуда живой и вообще, меня загнипнотизируют и...

– Так, я не пойму, тебе нужны деньги?

Нужны. Еще как нужны. И, если не выплачу мамин долг до конца недели, у меня будут неприятности. Не говоря уже о процентах, которые будут расти с каждым днем.

– Вдруг меня кто-то узнает? – выдаю последний аргумент.

– Тебе на глаза наденут маску, никто тебя не узнает, – подруга достает телефон и протягивает мне. – Звони.

В голове сплошная неразбериха. Метаю глазами то на сайт с неоновыми оттенками, то на айфон подруги. Вверх на один экран, вниз на другой. Куча мыслей возникает в голове, куча страхов. Но один из них самый большой – неуплата долга. Они могут навредить мне, Дэни. Достанут нас из-под земли и выпотрошат. Моему маленькому герою не жить, если я не решу проблему.

Звонок – большой риск. Вся моя жизнь – риск.

Глубоко вдохнув терпкий воздух маленькой комнаты, пропахшей духами Лили, беру телефон в руки и набираю номер, указанный на экране. В глубине души молюсь, чтобы никто не взял трубку, но понимаю, что от этого не убежишь. Не исчезнешь. Либо я воспользуюсь шансом на нормальную жизнь, либо погрязну в пучине отчаяния.

– Клуб «Пороки» слушаю вас.

– Здравствуйте, – произношу четко, уверенно, глядя на ободряющее лицо подруги. – Я звоню по поводу вашего объявления о наборе добровольцев...

Глава 5

– Сегодня будет жарко, – произнес мужчина, выдыхая из тонких, словно ниточка, губ табачный дым. Он сидел возле Адриана и загадочно улыбался, глядя на переполненный танцпол. В отличие на своего собеседника.

Адриан не всегда любил сигареты: запах горького табака на пальцах, на одежде. От него трудно отмыться, трудно вдохнуть свежий воздух. Сам курил в очень редких случаях, но сейчас был готов показушно заткнуть нос двумя пальцами, лишь бы не вдыхать этот запах. Дорогой. Пропитанный ядом и смертью.

– Будешь? – мужчина протянул ему пачку с живой смертью.

– Нет, спасибо.

– Как знаешь, – и тут же спрятал темно-синюю упаковку. – Будь добр, убери эту штуковину! Она меня раздражает!

– Интересно, – Адриан хмыкнул, глядя на стол. На нем лежали два бокала с дорогим виски, и увесистый чехол. – Чем тебя раздражает средство защиты? – мужчина взял в руки чехол, раскрыл его, вытащил пистолет и положил его сверху.

– Зачем тебе вообще он понадобился? Как будто за тобой охотятся мафиози из Сицилии.

– Затем, что враги не спят, – усмехнулся Адриан. Он все еще помнил слова лучшего друга, который последние пару

недель ходил исключительно с охраной. Непростые дни настали, непростые.

– Другому это рассказывай. И убери пистолет со всеми этими прибабасами.

– Предлагаю компромисс, – мужчина, почесав двумя пальцами темную щетину, вытащил магазин из пистолета и положил в отдельное деление в чехле. – Я запираю в твоём сейфе оружие, а ты сигареты. Меня сейчас вырвет.

– Ты стал таким противным, когда перестал курить!

– Так лучше для здоровья Марк, – произнес Адриан и, сложив комплектующие к своему верному защитнику, отдал их управляющему клуба. Здесь он все равно в безопасности.

Через минуту мужчины снова сидели на тех же креслах из красной кожи и наблюдали через прозрачную стену на посетителей. Один глядел с любопытством на упругие попки девушек и очерченные фигурки в обтягивающих платьях, а другой – с равнодушием рассматривал красные точки внизу, не вглядываясь в лица.

– Смотри, какие красавицы, – Марк показал на танцпол, наполненный симпатичными девушками в красном одеянии.

Сегодня пускали только в этом цвете. Красный неон – тематика этой недели. Почему? Чтобы слиться с людьми и создать огромное красное пятно? Именно его сейчас видел Адриан из кабинета управляющего.

– Какую себе берешь? Смотри, та с пышным бюстом ничего.

Мужчина проследил за взглядом друга и нашел этот самый «пышный бюст». Симпатичная, если приглядеться, фигурка красивая, но ее только что забрал мужчина в красных шароварах. Сковал правое запястье девушки наручником и потянул в свою сторону. Она покорно последовала за ним, склонив голову как истинная сабочка.

– Местные дамочки меня не интересуют, – Адриан потянулся за бокалом с янтарной жидкостью и сделал глоток. Сегодня можно расслабиться после тяжелого дня в университете.

– Ах да, ты же любишь играешь по-крупному.

Адриан хитро улыбнулся. Да. Любил. Еще как любил. И совершенно этого не стеснялся. Сто привлекательных и доступных женщин стоили одной покорной. И Адриан предпочитал именно одну покорную. Ту, которая будет выполнять все его приказы. Без исключения. Без раздумий. Если он скажет встать на колени и удовлетворить его своим ртом, она это сделает, если он заставит ее кончать так много, что оба сойдут со счета, она будет просить еще и еще после каждого оргазма. А если оставит ее на ночь связанную на кресте, то она не станет возмущаться, а примет боль в конечностях с благодарностью в глазах.

Потому что боль не даруют просто так. Как и наслаждение...

– Ты вообще какой-то неправильный. Зачем тебе постоянная телка? Мог бы разнообразить свой мир. Вокруг столь-

ко прекрасных женщин.

– Лучше иметь одну постоянную, чем собирать венеру черт знает от кого.

Марк тут же стушевался и сделал большой глоток янтарной жидкости. Больше тему женщин не затрагивал. Почти.

– Ты говорил, у тебя есть какое-то срочное дело, – напомнил Адриан причину своего приезда после занятий в университете.

– Ах да, – мужчина хлопнул в ладоши и тут же приободрился. – Завтра я устраиваю представление для тематиков. Покажешь свой номер?

Адриан на мгновение задумался. За годы в Теме он редко работал на показ. К чему это? Когда-то, десять лет назад, он пришел сюда не для того, чтобы стать гуру БДСМ. Пришел ради удовлетворения собственных потребностей. Ради интереса. Ради желания испытать что-то новое и найти свое место в жизни.

Но не для того, чтобы делиться наработанным годами опытом.

– Для кого? Для начинающих Домов-неумех? – усмехнулся Адриан.

– Можно и так сказать.

– Я похож на предмет подражания в БДСМ?

– Хм... – Марк сделал глоток виски и подлил еще. Себе и другу. – Если так подумать, ты и есть предмет подражания, только не в той области.

– Это уже позволь мне решать.

– Так ты придешь? – сразу же перевел тему, заметив, как опасно свелись темные брови на переносице друга и сжались ладони в кулаки. – У тебя все равно сейчас нет нижней.

Ее не было всего три недели. И без нее Адриану жилось хорошо. Пока. Но с каждым днем мужчина ощущал, что вот-вот готов сорваться и пойти во все тяжкие. Как там говорил Марк? Посмотреть на других женщин, попробовать что-то новое? О, нет. Он не готов опуститься так низко, особенно когда готовится защитить диссертацию и повысить профессорское звание.

– С кем играть? Фото есть?

– Нет. Она только завтра придет. Все анонимно, ты же знаешь, – коварно улыбнулся Марк, вспоминая щепетильное отношение Адриана к скрытости своей персоны в Теме. – Новенькая сабочка, без опыта.

– Нет!

– Тебе не нужно ее стегать розгами до крови. Просто продемонстрируешь свою власть. Возьмешь какой-нибудь флоггер, сделаешь пару ударов, доведешь до пика, чтобы кричала как ненормальная.

Адриан задумался. Неопытная, со страхом в глазах вместо вождения, с неумением контролировать себя и незнанием, чего и как хочет. Он не очень любил такой типаж. Не все нижние пригодны к БДСМ, не все готовы раскрепоститься и полностью отдаться во власть своего партнера. Даже на

время.

Они не могут забыть себя, а ломать нежные создания он не любил... Хотя...

– С тебя причитается, – Адриан внезапно кивнул в знак согласия.

– Заметано, – мужчины чокаются бокалами и допивают каждый свой напиток до дна. Завтра, значит? Посмотрим, что подготовила мужчине судьба.

Глава 6

Неизвестность всегда пугает людей. Она вызывает множество вопросов в голове, сомнений, заставляющих шагнуть назад и задуматься о правильности своих действий. До одного момента. Пока ты не узнаешь, что тебя ждет, не почувствуешь все на себе. Пока не поймешь, что бояться нечего, что беда миновала. Раз и навсегда.

Только мне до этого еще нужно дожить.

Стою напротив клуба «Пороки». Ровно шесть вечера. За час до начала шоу. Вчера мне прислали большую инструкцию на почту. Перечитала раз десять, чтобы ничего не забыть. Сделала эпиляцию в интимных местах и не только. Лили говорила, что я должна сообщить, какие игры для меня неприемлемы, но в анкете ничего не было написано об этом.

Коленки подрагивают от волнения. Не сразу решаюсь пройти в раздвижные автоматические двери. Так надо, Габи. Либо ты выдержишь этот день и заживешь дальше долго и счастливо, либо...

Либо все та же устрашающая неизвестность...

Вздохнув, перешагиваю порог элитного клуба, прохожу по неоновому черно-красному коридору и останавливаюсь возле стойки администратора. Женщина средних лет в строгом черном костюме и в очках на кончике носа окидывает меня любопытными светлыми глазами и вежливо произно-

сит:

– Добро пожаловать в клуб «Пороки». Ваше имя.

– Лаундж... Габриэль Лаундж, – произношу почти уверенно. Ключевое слово: почти. Может, эта затея не такая уж и удачная?

– Следуйте со мной, мисс Лаундж.

Тихо, Габи, тихо. Не стоит глядеть по сторонам, не нужно рассматривать фотографии в рамках. Лучше смотри на затылок женщины. На выбившийся волнистый локон темных волос. Иначе не получишь ни денег, ни прекрасной жизни без забот.

Меня ведут по тем же неоновым коридорам на второй этаж и останавливают у двери с надписью «гримерка».

– Ана, к тебе пришли.

Администратор и приглашает войти в более яркое помещение, чем темные неоновые коридоры. Я точно не в салон красоты попала? Очень похожее, кстати. На одном из кресел сидит ровесница администраторши в леопардовых лосинах и ярко-розовой кофте и буднично листает журнал.

– Отлично. Проходи, девочка. Будем тебя преображать, – хлопает ладонью с длинными пальцами на спинку кресла.

Поначалу тушуюсь, топчусь на месте. Стоит ли входить? В инструкции было прописано, что меня будут приводить в порядок перед сессией, и я была к этому готова. Но зачем меня приглашают на парикмахерское кресло?

– Ой, да не бойся! Накрасим, намажем, будешь как кон-

фетка.

Мне кажется, или женщина только что выплюнула жвачку в соседнее кресло? Ладно, сделаю вид, что не заметила.

Сажусь на место той женщины (нет, не туда, куда она выплюнула резинку) и смотрю на отражение в зеркале. Лицо почти не сонное, даже кругов под глазами нет. Сегодня опять уснула поздно, всю ночь мучила бессонница из-за увиденных картинок в интернете. На парах чувствовала себя рассеянной, но сейчас это чувство улетучилось. Наверное, кофе помог. Да, он самый.

После тщательного осмотра перед зеркалом, меня отправляют в душ. Предоставляют одноразовые тапочки, гель для душа с ароматом ванили и вафельный халат. Ополаскиваюсь, завязав высокий пучок на голове, смываю макияж и возвращаюсь в кресло. На соседнем жвачки уже нет, как и администраторши.

– Хм... хорошие волосы, даже укладывать не нужно – так оставлю. Сейчас сделаем макияж, и можешь быть свободна.

Фух! Хоть что-то хорошее за последние полчаса. А то мне не очень-то хочется, чтобы трогали цвет и длину моих волос. Разве должны были? В инструкции было прописано, что могли сделать прическу, чтобы длина не мешала во время сессии.

– Волнуешься? – как бы невзначай спрашивает женщина своим грудным голосом.

– Это так заметно?

– Ты вся дрожишь.

Правда? Я дрожу? А что еще делать, когда впереди меня ждет сессия с доминантом? Я никогда не являлась фанаткой темы, знаю о ней только из книг про пятьдесят оттенков и из маленьких статей в интернете. Но прошла я по ним бегло, не вчитываясь. Зря, наверное.

– В первый раз все волнуются. Не переживай, – женщина махает рукой. – Только скажи, зачем тебе Тема? Ты ведь такая юная? Или бабки нужны? Сейчас они всем нужны, моя дорогая.

– Я бы... не хотела это обсуждать.

– Ну, как знаешь.

Больше мы не разговаривали. Оно и к лучшему. Не готова я сейчас вести светские беседы, говорить о предстоящей сессии. Лучше ни о чем не думать. Не сейчас. Не этим вечером. Завтра успею тысячу раз пожалеть и одновременно обрадоваться. Ведь я смогу отдать мамин долг.

Деньги... Не стоит об этом забывать.

– Ну все, готово, – парикмахер поворачивает меня к зеркалу. Надо сказать, что макияж совсем не совпадает с ожидаемым. Тональный крем едва заметен на коже, небольшой блеск хайлайтера подчеркивает скулы, а легкий слой туши делает ресницы длиннее. Но не намного. Я и то сильнее крашу.

– А как же длинные стрелки? Смоки айс? Красная помада? – интересуюсь у женщины.

– Девочка, – смеется в ответ, – это БДСМ клуб, а не бордель. Верхние ценят естественность, особенно сегодняшних, – она восхищенно вскидывает глаза к потолку.

Ну ладно. Пусть будет так. Мне же легче. Не буду чувствовать себя последней шлюхой.

– А кто он?

– О, нет! У меня не спрашивай! Я ничего не знаю. Видела его только в маске, но поверь, ты не забудешь этот день.

Да? А я бы отдала все на свете, чтобы пережить сегодняшний позор и жить дальше. Как раньше. Надеюсь, получится.

Через пару минут в «гримерку» заходит брюнетка в корсете и в чулках с подвязками, подает шелковый халат, протягивает ажурную маску, которая отлично скрывает мое лицо. Почти не узнать. Меня выдают лишь медовые глаза, полные беспокойства и страха. Он здесь не нужен. Не сейчас.

Мы спускаемся вниз, проходим на сцену за закрытый занавес к деревянному кресту. Я видела такой на картинках в гугле, когда искала ночью информацию. И вид у него более устрашающий, чем по ту сторону экрана.

– Сейчас тебя привяжут. Твой господин подойдет сразу же, как откроется занавес. Смотреть только в пол, глаза не поднимать, отвечать, если тебя попросят. И обращай к нему Господин, никак иначе.

Прокручиваю в голове эти правила. Не смотреть в глаза «Господину», молчать и играть роль послушной собачки. Да, я усвоила эти правила. Осталось только продержаться до

конца вечера. Пусть болят запястья, пусть затекут мышцы, плевать. На кону стоят благополучие моей семьи. Благополучие Дэни.

Ко мне подходит женщина в спортивном костюме, стягивает с меня халат, сковывает руки и ноги веревкой, торчащей из креста. Поджилки трясутся. Ладони то сжимаются в кулак, то расслабляются. Чувствую, как волнение подступает прямо к горлу. Хочу прикрыть обнаженное тело, вырваться из оков, сбежать. Нельзя, Габи. Пытаюсь дышать спокойно, ровно. Должно помочь перед сессией. Деньги. Мне нужны деньги. Один вечер. И все. Соберись!

Внезапно занавес открывается. По ту сторону сцены не слышно ни звука. Полнейшая тишина. На меня смотрят человек тридцать, на меньше. Все одеты в черно-красные полупрозрачные одеяния. Я почему-то думала, что будут в коже или в корсетах, похожий на тот, что был у женщины, объяснившей правила.

Ощущаю пронизывающие взгляды на своей коже, покрытой мурашками от холода, на груди, вершинки которой затвердели еще до открытия штор. На чистый треугольник между ног. Боже, нашли куда смотреть. Но все становится неважным.

Передо мной появляется Господин...

Глава 7

Его лицо скрыто под маской лишь наполовину, темные волосы сливаются с цветом классического костюма. Тоже одевание не из кожи? Он даже не разделется и не станет голым проводить сессию? Видимо, гугл решил меня жестоко обмануть. Интересно, он красивый? Какая разница? Это единственная встреча, больше я не появлюсь здесь. Мы не узнаем имена друг друга, не увидимся. Я надеюсь на это.

И вообще, мне нельзя смотреть на Господина. Тогда зачем я пялюсь? Тут же опускаю глаза, впиваюсь глазами в кожаные ботинки. Он похож на офисного работника, который чисто случайно оказался здесь. Так, забавы ради.

– Шоу начинается.

Звон гонга тут же раздаётся в ушах. Как приговор. Как знак, что назад дороги нет. Я не смогу убежать.

Мужчина подходит ко мне практически вплотную. Чувствую запах мускуса. Он впивается в легкие большими потоками. Большими и быстрыми. Потому что я дышу слишком часто. Слишком громко.

Внезапно меня простреливает током от касания ладони к моему бедру. Теплой. Немного шершавой. Она скользит вверх к талии, переходит к пупку и двигается прямо по центру. Между двумя полушариями. Останавливается на ложбинке. Наверное, чувствует, как бешено стучит мое серд-

це. От волнения. От невозможности поднять голову и встретиться лицом к лицу с Господином.

– Посмотри на меня, – берет за подбородок и поднимает к себе.

А он высокий – голову слишком высоко задрал. В прорезях маски не вижу его взгляда. То ли из-за полумрака вокруг, то ли из-за волнения. Но чувствую, как глаза прожигают меня, проникают в разум и пытаются контролировать мысли.

– Действуй так, как я тебе прикажу, – произносит он вкрадчиво, строго. Знакомый голос, кстати. Как у Марио Касаса. В оригинальных фильмах видела. – Кивни, если готова.

Киваю без промедления. А как еще мне ответить? Даже если я не готова, все равно не отвертеться.

– Опусть глаза.

Господин отходит от меня, оставив на растерзание взглядов публики. Стыдно. Как же стыдно, когда на тебя смотрят посторонние люди, пока Господин что-то ищет на столе. Странно, что я не заметила его раньше. Не могу сказать, что там находится – не смею послушаться приказа. Он возвращается через пару минут, удерживая в ладони какую-то кожаную метелку. Ходит вокруг меня, оглядывает все тело, словно ищет, куда лучше ударить.

Боже, сейчас начнется...

– Ты готова рассказать правду, Саба?

Что? Какую правду? О чем он говорит?

– Расскажешь, куда спрятала секретную информацию?

А, это игра такая? Очень похоже на нее. В инструкции что-то упоминалось о спонтанном сценарии, которому нужно подыгрывать, но я считала, что сама сессия и есть игра. Битье плетью, зажимы на сосках, связывание. Что там еще поисковик подсказал?

В ответ я просто молчу. Во-первых, мне никто не разрешал говорить, а во-вторых, я не знаю, что сказать. А нужно ли это вообще? Или промолчать? Или кивнуть? Может, головой отрицательно повернуть?

Внезапно прилетает удар по левому бедру. Хлесткий. Не сильный. Однако я вскрикиваю от неожиданности. И от страха. Да именно от него. Снова удар. Уже по правому бедру. Выгибаюсь, от странных ощущений. Дико неприятных, но в то же время терпимых. Метко он целится, кстати. Интересно, как долго он тренировался на таких подопытных, как я? Или этому он научился в какой-нибудь школе для доминантов? Школа доминантов... Смешно. Такие вообще существуют?

Еще удар. По животу. Уже не такой больночущий. Синяков точно не останется. Наверное. Удар по бедрам. По животу. Это какая-то мягкая плетка. Или он так бьет? Небольшое количество ворсинок прилетает не только на живот, но и на грудь, если удары поднимаются выше.

Или на лобок, если спускаются ниже...

Быстро привыкаю к манипуляциям над телом. Иногда даже кажется, что они ласкают кожу. Но это лишь контраст,

создаваемый вокруг меня. Удары могут резко набрать силу, ослабнуть, а затем вновь приземлиться на мою кожу и оставить красный отпечаток. Завтра его уже не будет видно, но воспоминания останутся со мной до конца жизни...

Страх. Неизвестность. Испуг. Толика любопытства. Эти чувства каждую секунду сменяют друг друга. Тяжелый стук каблучков от обуви Господина раздается набатом в голове. Порой я игнорирую его, порой нет. Я больше не думаю о насущных проблемах, не думаю о Дэни, который сейчас, скорее всего, учит уроки, о маме, которой вкалывают кучу лекарств, чтобы привести организм в порядок.

Защелкиваюсь на действиях Господина. Пытаюсь отследить каждое его движение, каждый вдох рядом со мной. Нет, мысли вряд ли прочитаю. Хотя... может получится? Вдруг он окажется снисходителен ко мне, поймет, почему я нахожусь здесь, распятая и открытая перед ним. Так хочется на это надеяться. Хочется.

Но я вовремя вспоминаю, зачем нахожусь здесь. Нужно перетерпеть. Принять его власть на эти долгие часы. Не более того. Осталось немного помучиться.

– Давай попробуем еще раз.

Он снова отходит к своему столику с предметами пыток и возвращается уже с другими принадлежностями. Не вижу их, а взглянуть из-под опущенной головы не решаюсь. Страшно. Лучше буду ощущать все на теле, нежели смотреть и ужасаться. Надо было попросить закрыть мне глаза. Мо-

жет, самой закрыть?

Сколько прошло с начала шоу? Минут двадцать? Или тридцать? Может всего пять? Сбилась со счета, когда мне прилетали удары плетью.

Одиночество не длится долго. Меня снова касаются чуткие пальцы. Теперь они не двигаются изучающе по моему дрожащему телу, а приобретают резкость. Проходит секунда. Его ладонь сжимает мою грудь, а зубы оттягивают сосок. Боль пронзает насквозь. Снова выгибаюсь. Но уже не от коктейля ощущений, а от того, чтобы боль казалась не такой сильной. Бесплезно – пара капель слез все же стекает с глаз и впитывается в маску.

– Ты готова рассказать мне правду?

Нет. Не готова. Я ни на что не готова пойти, пока мои испытания не закончатся. Но вам же плевать, мой господин. Вы сделаете все, что посчитаете нужным, а я буду смиренно принимать ваши действия.

Он прокручивает сосок в опытных пальцах. Больно. Как же больно. Но стоит ему отпустить, как облегчение расплывается по всему телу сладкой негой. А затем снова наступает боль, когда мне оттягивают заострившуюся вершинку. Странный контраст, если честно. Необычный. Если бы не нужда в деньгах, я бы смогла как-то договориться, чтобы Господин тянул не так сильно. Не до слез. Или так надо? Не знаю.

Боль прекращает пытаться мое тело. Мужчина отходит к

столику и возвращается спустя несколько секунд, позволив мне увидеть следующий способ манипуляции.

Замираю на месте, цепенею, прихожу в шок, как хотите называйте. Но я не могу отвести глаз от... медицинской иглы в длинных пальцах, которую еще не успел достать из упаковки. Меня тут же накрывают неприятные воспоминания. Они давят с двух сторон, словно пресс, заставляют вернуться на несколько лет назад.

Туда, откуда, как мне казалось, вышла...

– Не надо, – шепчу тихо-тихо. Вряд ли меня услышал кто-то из зала, но мой мучитель наверняка должен понять сказанные слова.

Боже, зачем я вообще на это подписалась? Захотела легких и быстрых денег, а в итоге смотрю на иглу в руках незнакомого мужчины и не могу отвести глаз от страха. Лучше бы душу дьяволу продала или пожертвовала бы почкой и печенью для пересадки, чем возвращаться в болезненное прошлое.

– Я не позволял тебе разговаривать.

Знаю, что мне запрещено, знаю, что за проступок и непослушание могут наказать. Жестоко наказать. Да так, что я обзаведусь новой фобией. Но...

– Пожалуйста, не надо.

Мужчина, не выпуская упаковку с иглой, подлетает ко мне и хватает за подбородок. Резко. Немного болезненно. Хочу зажмуриться и бесконечно долго молиться, чтобы меня не

наказывали. Чтобы не всовывали эту гадость в мое тело.

Но я понимаю глаза на Господина. Только сейчас всматриваюсь в него. Освещение меняется, падает так, что я вижу их цвет, разрез и... глубину. Непокколебимая уверенность в своих действиях пошатывается. Он не снимает маску Господина, но и не дает слабину. Такая же скала. Нерушимая.

– Закрой занавес, – рычит он в сторону, заставив меня вздрогнуть от неожиданности и громкости его голоса. Перед нами тут же опускается плотная штора, скрывая наши тела от недоумевающих зрителей. – Ты идешь со мной.

– Я-я...

– Одевайся.

Господин освобождает меня от оков и протягивает халат, который висел на стуле за кулисами. Ждет, когда я накину его, и тут же тащит меня за руку на второй этаж. В сторону гримерки. Только мы проходим мимо нее по неоновым коридорам. Поднимаемся по лестнице уже на третий этаж и влетаем в просторный кабинет с панорамным окном во всю сцену. Только выходит оно не на улицу, а куда-то в темноту.

– Ты что творишь? – с ходу рычит Господин, облокотившись о рабочий стол собеседника.

Мы стоим в темно-красном кабинете, но уже без неоновой подсветки. Во главе стола сидит темноволосый мужчина с сигарой в руках и вопросительно заламывает густую бровь.

– В смысле?

– Ты кого мне подсунул? Какая к черту начинающая саба?

Она от одного шлепка щемиться начинает!

– Успокойся и продолжайте играть, ей за это платят.

– Платят?

Хозяин кабинета выдыхает неприятный дым, впитавшийся в волосы и в мою временную одежду. Смотрит то на меня, то на Господина. То есть не так – на временного господина. А я стою ближе к распахнутой двери и не могу пошевелиться. Меня трясет, зубы стучат друг от друга. И здесь не холодно, нет. Просто мне страшно. Иглы в пластиковой упаковке все еще стоят перед глазами. И не только они.

Пятьдесят тысяч, которые мама должна кредиторам до конца недели...

За своими мыслями не сразу реагирую на подошедшего мужчину. Вновь вздрагиваю, когда он встает вплотную ко мне и осматривает двумя темными омутами, видными сквозь темную маску. Внимательно. Останавливается на твердых сосках, просвечивающих сквозь халат. Снизу вверх. Поднимается к губам, которые, казалось, скоро прокушу до крови. От волнения. От нервов. От чертовой неизвестности.

– Она вообще совершеннолетняя? – спрашивает Господин, повернувшись к хозяину кабинета через плечо.

– Конечно есть. Правда, мисс?

А я не могу и слова вставить, все еще пребываю в шоке. Не отрываю глаз от временного Господина. Мы словно примагнитились друг к другу. Уже не так страшно. Перестаю дрожать. Но рано. Слишком рано. Еще много вопросов остается

нерешенными.

Господин быстро отходит от меня и снова направляется к хозяину кабинета.

– Плевать мне, ясно? – снова рычит он. От смены настроения резкости я скоро заикаться стану. – Сам стеги девчонку, я не хочу брать на себя ответственность, – он быстро стягивает с лица маску, швыряет ее на стол и разворачивается к выходу.

В этот момент встречаюсь с обладателем темных омутов. Рассматриваю его лицо. Каждую черточку. И разлет бровей, и разрез глаз, и плотные, сжавшиеся губы. Знаю, что в жизни они не выглядят, как ниточка. Они чуть полноватые. Чувственные. Заметила это еще на сцене, когда он хладнокровно осматривал меня и наносил удары.

Но я не верю. Не верю своим глазам. Пытаюсь найти хоть какое-то отличие. Потому что я знаю этого человека...

– Профессор Салливан?

Мужчина резко останавливается передо мной. Уже не так близко, на расстоянии вытянутой руки. Но даже так я наблюдаю на его лице неподдельное удивление. Подходит ближе ко мне и стягивает маску. Узнает меня, судя по расширившимся глазам.

Боже...

Профессор культурологии только что видел меня голой. Полностью уязвимой. Он трогал меня, касался широкими ладонями моего тела, стегал. Вызывал противоречивые чув-

ства, которым невозможно найти объяснение.

Лили сказала, что здесь никто меня не узнает, что я не встречу никого из университета, из общежития. Здесь только богатые и солидные люди, а не такие нищесбородские студенточки, как я. Она обещала. Обещала...

А сейчас мой мир разрушается в прах. Я опозорена. Можно прощаться с университетом, с дипломом, с будущей профессией, с университетской жизнью, которая спасала меня от падения в бездну из-за смерти папы и домашних проблем...

– Одевайся и езжай домой, – внезапно раздается приказ тем самым голосом, которым он отдавал команды на сцене. Лицо профессора жесткое, безэмоциональное, однако глаза готовы превратить не просто в пепел.

Они готовы сделать из меня ничто...

– Как это?

– Вот так. Езжай домой и не появляйся больше здесь.

– Но мне нужны деньги, – тут же парирую я.

– Если вы не доиграете сцену, деньги не получишь, – твердит мужской голос из-за широкой спины профессора-господина.

Черт возьми! То есть мы еще и доиграть должны? Но как? Если профессор Салливан снова появится передо мной и снова увидит меня голой, я не то, что отключиться не смогу, но и буду наблюдать за каждым его движением, за каждым шагом. Черт, это же мой преподаватель! Я не смогу. Не смо-

гу...

Вспоминаю, зачем я пришла сюда. Перед глазами появляются счастливые глаза моего героя, невероятная лучезарная улыбка. Он не знает забот жизни в чужом доме. Не представляет, куда пропала его мать и зачем вообще отдала другой семье.

Это нужно пережить. Опозориться, проплакать ночь и забыть...

– Я готова...

– Я не буду продолжать сессию.

Теперь профессор смотрит четко на меня. Злобно. Будто готов разорвать на месте. Как чудовище. Как хищник, которого вывели из себя.

– Адриан, ты уверен, что не хочешь полакомиться...

– Я все сказал.

Профессор обходит меня и покидает кабинет. Вот и все. Вот и решила вопрос с деньгами. Как там говорят? Бесплатный сыр только в мышеловке? Вот и придавила меня ловушка. Теперь я истекаю кровью не в силах позвать на помощь своих соратников.

– Вы что-то еще хотели, мисс?

Да, я хотела заработать деньги, чтобы спасти наши с братом задницы, пока мама получила индульгенцию в реабилитационном центре. А что если...

– Можно мне прийти завтра? Я отработаю, обещаю. Я не подведу.

Использую последнюю надежду на чудо. Но... Всегда в жизни есть это самое НО, которое препятствует достижению цели. И у меня оно появилось.

– Завтра придет другая девушка. У меня весь месяц расписан! Тебе повезло, что я впихнул в эту сессию. Свой шанс ты профукала, дорогуща. Если тебе ничего не нужно, то можешь уходить.

– Пожалуйста... Мне очень нужны деньги.

– Уходи, я сказал!

И я ухожу. Опозоренная. Разбитая. И без денег. Ушла собирать вещи и прощаться с университетом навсегда. Я найду другой способ достать деньги, у меня еще пять дней впереди. Обязательно найду.

Глава 8

Черт возьми, Габи, о чем ты думала?

Зачем ты пошла в тот чертов клуб?

Почему согласилась с условиями и позволила себя истязать?

Не только физически, но и морально...

Все эти вопросы мелькают в голове, прокручиваются раз за разом, мучают меня всю ночь и все утро. Они не дают покоя ни на занятиях, ни на перерыве. Шагаю по коридорам и никого не замечаю вокруг. Не смотрю по сторонам, не чувствую косые взгляды. Не хочу поворачивать голову и замечать насмешку остальных.

Все вокруг словно знают, чем я занималась вчера, в каком состоянии приехала в общежитие ближе к полуночи и слышали, как я проревела в подушку почти два часа. Снова плохо спала, снова думала о своем положении, снова размышляла, где достать деньги.

Как я могла вляпаться в такое дерьмо? Не знаю. В последнее время меня преследует невезение. Часто преследует. И только сейчас, видимо, удача на моей стороне – за весь день я ни разу не пересеклась с профессором Салливаном. Но это пока. Сегодня у нас занятие с ним. Буквально через полчаса. Может, прогулять? Может, переждать, пока он забудет обо всем, пока мои эмоции улягутся? Возможно, через пару ме-

сяцев я спокойно посмотрю в глаза преподавателю. Ключевое слово: возможно. Сейчас это кажется нереальным.

Наверное, мне бы стало легче, если бы я рассказала все Лили – она единственная, кто поймет меня и выслушает. Но подруги не оказалось ночью в комнате, а с утра уже ускакала на собрание совета. Он, кстати, до сих пор длится, уже третье занятие пошло. Вскоре планируется благотворительный бал, за который взялась подруга. Как вы думаете, на кого свалятся обязанности? Правильно, на меня. Может, это и к лучшему, отвлекусь от вчерашнего позора.

– Эй, Лаундж! – с другого конца коридора раздается мальчишеский голос. Мимо проходящие студенты оборачиваются на зов парня. И на меня. Сейчас я меньше всего хочу привлекать внимание других. Спасибо, Стифлер.

– Что надо?

– Ну, детка, не груби папочке, – Стив протягивает ладонь к моему лицу, но я тут же отбиваю ее. – Эй!

– Нечего свои лапы ко мне тянуть!

– Противная какая. На вечеринку ко мне придешь?

Еще чего не хватало! Однажды на вечеринке Стивена Уайта парни отравились какой-то гадостью, а потом разбрелись по сортирам. Но это не самое ужасное. Пока ребята приводили себя в порядок, этот придурок устроил оргию вместе с девчонками. Хорошо, что нам удалось с Лили сбежать оттуда, иначе поплатились бы по полной программе.

– Нет.

– Уверена? Мы отлично проведем время, крошка.

– Я сказала, нет.

– Уайт! – еще один крик на весь коридор, но теперь он звучит как раскат грома. Как приговор узнику.

Как начало конца...

Он подходит все ближе к нам, преодолевая расстояние крупными шагами. Уверенно задирает подбородок, легкой походкой приближается к нам. Встает около Стифлера. Смотрит сначала на перепуганную меня, затем на парня. И снова на меня. Задерживает взгляд на запястьях, переводит на губы. На глаза. Сканирует меня, будто пытается найти изъяны.

Не переживайте, профессор, следы от ваших вчерашних игр остались под одеждой. Никто ничего не увидит.

Это когда-то должно было произойти. Наша встреча. Просто я надеялась, что мы увидимся не так скоро. Моя надежда только что умерла.

– Я что сказал сделать? – строго спрашивает профессор Салливан.

– Как это что? Найти Лаундж и передать приглашение на мою вечеринку, – весело отвечает Стив.

– Доиграешься, Уайт, и зачет тебе не видать. Звонок твоего отца на этот раз не поможет.

Парень громко сглатывает. Вижу, как двигается выпирающий кадык, будто его ждет огромная задница, если не выполнит просьбу профессора. Собственно, меня такая же задни-

ца светит, если я не найду пятьдесят тысяч до конца недели.

– Ну... тогда я... пойду готовиться.

– Иди, Уайт.

Стифлер быстро ретируется с места преступления. Остается только мы вдвоем посреди коридора. Вообще, мимо нас проходят студенты, но у меня складывается ощущение, что сейчас вокруг нас никого нет. И от этого становится страшно. По-настоящему страшно.

– Скоро начнется занятие, мисс Лаундж, вам лучше поторопиться, – раздается около меня. Уже не так строго, но не менее уверенно.

– Сегодня я не смогу прийти, простите. Меня ждет...

– Думаю, вы найдете возможность отложить ваши дела и посетить лекцию. Не опаздывайте, – профессор тут же разворачивается и уходит в сторону аудитории.

Черт возьми, он только что приказал мне прийти к нему на занятие? Seriously? Вспоминая вчерашнюю внезапную встречу, его слова приобретают двойной смысл. Или это я пудрю самой себе мозги, а профессор поступил проще – сделал вид, будто ничего не случилось. Наверное, мне надо сделать то же самое. Так будет проще. Да. Забыть обо всем, что произошло вчера, и жить дальше.

Бреду в аудиторию следом за статной фигурой мужчины. Девчонки из гламурного клуба, как всегда, сидят кучкой на первом ряду. Думают, так он заметит вас? Вряд ли, его дру-гое интересует, девочки. Конечно же, эти слова не произно-

шу вслух, а то заключают еще. Интересно, когда Лили освободится? Она придет на пару, или мне сидеть в одиночестве, как и весь день?

– Ну что ж, раз все в сборе, то начнем.

И он начинает. Лекция, как назло длится долго, время тянется словно резина, а я не могу отделаться от мысли, что теперь смотрю на своего преподавателя иначе. Не так, как на прошлых занятиях.

Ведь раньше я не видела в нем мужчину...

Да, красив, но это всего лишь оценка внешности, не более того. Я никогда не сохла по профессору Салливану, как девочки из той же элиты. Никогда не обсуждала его походку, жесты, мимику. Не всматривалась в маленькие морщинки в уголках глаз, в легкую полноту его чувственных губ. До этого дня.

Сейчас взгляд сам ловит его резкие движения и сопоставляют со вчерашней сессией на сцене. В уши поступает строгий, но в то же время ласкающий слух голос. Все происходит на автомате, без моего ведома. Стараюсь записывать лекции и не замечать этих перемен в голове, во взгляде на действительность. Но они есть. Мне не убежать, не забыть, не избавиться.

Я не смогу делать вид, будто ничего не случилось...

Всю пару профессор Салливан не обращал на меня пристального внимания. Он оглядывал всех студентов своим черным взглядом, но не задерживался именно на моем. Ров-

но секунда, не больше. Равно количество времени каждому присутствующему. От понимания этого на душе потихоньку становится легче. Самую малость. Наверное, надо поменять предмет, или ходить к другому преподавателю. По крайней мере, ближайший семестр. Переводиться в другой университет я пока не готова. К тому же кампус большой, вряд ли будем часто пересекаться. Хотя...

– Всем до пятницы. Не опаздывайте.

Фух! Все! Отсидела. Теперь можно передохнуть немного в общежитии, дождаться прихода Лили, поделиться всем с ней, а потом...

– Мисс Лаундж, задержитесь, – летит мне в спину, когда почти все ребята выходят из аудитории. Чувствую на себе косые взгляды девчонок из гламурной элиты, но проглатываю их.

Разворачиваюсь и замираю около профессорского стола. Стараюсь не смотреть в его сторону. Не сталкиваться с чернотой его глаз, чтобы не вспомнить вчерашний вечер. То, как он властно осматривал меня сквозь прорези маски, как ласкал прикосновениями мое тело. Эти воспоминания и без того мучили на протяжении всего занятия, а сейчас и вовсе готовы съесть с потрохами.

Профессор Салливан расслабленно сидит в кресле, ждет, когда за последним студентом закроется дверь. И вот она характерно хлопается, в аудитории наступает тишина, разрываемая лишь моим глубоким дыханием и криками в коридо-

ре. Но они едва до нас доносятся.

– Я хотел поговорить о вчерашнем инциденте, – начинает он таким же строгим тоном, как на занятиях. – Вы же понимаете, что не сможете больше обучаться в моей группе?

Понимаю. Мне тоже было тяжело смотреть на вас и думать о культурологии, сложно было слушать лекции и записывать их. Вчера я еще хотела забрать документы из деканата и перевестись в другой университет. Наплевать на годы подготовки к поступлению, на обучения здесь. Из-за вас. Из-за меня.

Из-за нашей встречи не в том месте и не в то время...

Приходится взглянуть на него, задрать голову, чтобы уверенно ответить на претензию. Нужно отстоять свои права. Хотя бы перед ним. Чтобы не понял, что сейчас страх окутывает меня гораздо мощнее, чем вчера.

– В конце занятий я попрошусь в группу профессора Шварца. Так мы решим...

– Возможно, вы не осознаете масштаб ситуации, мисс Ландж. Вы не можете больше обучаться в этом университете, иначе...

– Вы поставите мне незачет? – спрашиваю иронично.

– Дело не в зачете, а в том...

В этот момент мужчина задумчиво окидывает меня черными омутами. Окидывает с ног до головы мое подрагивающее тело, ненадолго останавливается на вырезе блузки, поднимается к губам.

Меня словно пронзает электрическим током в тех местах, где он касается своими глазами. Кажется, что он замечает, как бьется пульс на шее. Быстро-быстро. Не получается следить за ударами сердца. Не выходит. Они слишком частые, слишком сильные.

– У меня предложение, – профессор складывает руки в замок и приподнимает уголки губ. Его лицо, наверное, должно было стать спокойным и приветливым, но сейчас я гляжу на своего преподавателя и вижу лишь оскал хищника, решившего судьбу пойманной жертвы. – Тебе нужны были деньги, так!?

– Мне? Ну да, нужны, – лепечу неуверенно.

– Мы поступим так. Я даю тебе деньги, а ты становишься моей нижней на три месяца.

Что? Нижней на три месяца? То есть он предлагает пройти вчерашний ад снова? На протяжении трех месяцев? Может, он пошутил? Может, имел в виду что-то другое? Например, роль половой тряпочки сыграть. Хотя... смысл примерно один и тот же. Вряд ли профессор шутит – его глаза полны серьезности в своих намерениях. Как вчера в клубе, когда он уверенно держал плетку в руках.

– Но я никогда не была нижней. И вообще, я никак не связана с БДСМ.

– Уверена? Вчера ты готова была забыть об этом ради денег. Что тебе мешает забыть сейчас?

То, что вы мой преподаватель. То, что игра может выйти

за рамки дозволенного и навредить нам. То, что о наших запретных отношениях могут узнать. И тогда выгонят не только меня, но и вас, профессор. Будет большой скандал. Разборки. Показания в полиции. Как там сейчас делают? Не знаю. Я такое только в сериалах видела.

– Но вы же мой преподаватель. Вдруг о нас кто-то узнает?

– Если ты будешь соблюдать все правила, никто о нас не узнает. Тем более, – он поднимается с кресла и встает напротив меня. – Мне показалось, что тебе понравилась наше представление.

– Конечно! Особенно медицинские иглы!

Ой, я это вслух сказала? Вот черт!

– Почему ты не написала, что пирсинг-плей – твой хард-лимит?

– Мне не дали возможности.

– Теперь у тебя эта возможность есть.

Запах мускуса впитывается в кожу, в легкие. Вдыхаю его чаще, чем нужно. Вкусный. Не приторный. Даже хочется глаза прикрыть и забыться. Но нет. Не сейчас. Кажется, он стоит гораздо ближе, чем несколько секунд назад. А я не пытаюсь отойти, хотя мне есть куда шагать. Или стоит увеличить расстояние между нами? Да, наверное, надо.

– Когда тебе нужно отдать деньги?

– До конца недели, – отвечаю на автомате, не интересуясь, откуда он знает о долге.

– Тогда принимай решение как можно скорее, – он хитро

приподнимает уголки губ.

– Почему я? Вокруг полно девушек, которых можно «приручить» и не платить такую сумму.

– Я не привык покупать ширпотреб – его и так навалом. Мне легче найти идеальную скульптуру, слепленную по моему заказу.

Как красиво звучит метафора из его уст, не придерешься. Только в нашем случае сложно оценить ее во всей красе.

– Мы выполняем обязательства с обеих сторон, – прерывает мои мысли хриплый голос преподавателя. – Я даю деньги, а ты становишься моим сабмиссивом. Все просто. Ты красива, не глупа, и меня тянет к тебе.

– Смелое заявление, – срывается неосознанно с губ. Черт! Он же не станет сильно ругать за самовольность? Или станет?

– Я прямолинеен в своих выводах, мисс Лаундж. Не вижу препятствий нашим отношениям.

– То есть вас не волнует, что нам может влететь, если кто-то узнает? – вопросительно выгибаю бровь. – Связь преподавателя и студентки запрещена уставом университета! Я не хочу, чтобы меня исключали.

– А я не хочу, чтобы одна девчонка растрепалась о необычных вкусах своего преподавателя, – говорит он чуть громче, но так же спокойно.

Какой рискованный. Только я не из тех. Мне нужна практичность и уверенность в завтрашнем дне. В словах, в действиях. Я не могу спонтанно принять решение. И, будь у меня

выбор, я бы отказалась от перспективного предложения.

Только этого самого выбора у меня нет...

– Нам нужно определить твои границы, через которые я не стану переходить. Если бы вчера я не достал иглы, ты бы спокойно могла продолжить сессию.

– Думаете?

– Не думаю – знаю. Когда нижней неприятно, это сразу чувствуется. От тебя поступил сигнал только в начале игры с иглами, а до этого... Думаю, ты сама помнишь реакцию своего тела.

Помню. Точнее тело помнит. Низ живота тут же реагирует вчерашние прикосновения профессора. Но вопрос в том, согласен ли с ним разум? Испытала ли я настоящую боль, от которой сворачиваются внутренности? Получила незабываемое наслаждение, о которой пишут лишь в книгах? Не знаю. Ни то, ни другое. То боль, то удовольствие. То страх перед неизвестностью, то радость от совершенного действия. Сложно сказать, понравилась ли мне первая сессия, потому что я сама не знаю.

– Мне нужно подумать и...

– Завтра придешь на пробную сессию, – профессор заставит меня врасплох. Как на пробную? Я еще не согласилась. Я вообще хотела подумать, взвесить все плюс и минусы, а слова профессора Салливана давят на меня. – Не смотри так удивленно, у нас мало времени.

– А вдруг...

– Клуб «Пороки».

– Но если...

– Жду тебя ровно в девять вечера. Не опаздывай.

Вот и все. Вот и мое согласие. Меня обложили со всех сторон. Если я буду мучиться все это время? Буду испытывать боль и молиться, чтобы все это поскорее закончилось? Это же насилие над телом, над разумом, над сознанием. Или он садист? Черт! Я даже об этом не подумала. Тогда почему он не закончил сессию, увидев в моих глазах шок?

– Держи. Тебе пригодится, – он протягивает небольшой конверт.

Неужели решил отдать сразу деньги? Вряд ли – конверт слишком худой. Или там находится кредитная карта, откуда можно списать средства? Нет. Ошиблась. Вижу только клубную пластиковую карту с названием клуба, в котором мы вчера встретились. Вместо моего имени стоит золотистое «Гость».

Больше ничего не говорю. Не осмеливаюсь поднять глаза на преподавателя. Тихо выхожу из кабинета и аккуратно закрываю за собой дверь, будто боюсь разбудить спящего младенца. Зря. В коридорах все равно шумно, ничего не поделаешь, однако поток мыслей в голове выбивает меня из реальности. Меня будто опустили в толщу воды, откуда не доносятся голоса студентов. За исключением одного.

– О, Габриэла, я тебя обыскала! – Лили тут же возникает передо мной. Веселая, довольная, в темных глазах сверкают

огоньки. Значит, собрание удалось. – Ты где пропадала? Что ты забыла у Салливана?

Вот черт! Сейчас я совсем не готова отвечать на вопрос подруги.

– Да так, выясняла кое-что по поводу доклада.

Так, вроде бы не смотрит, как надзиратель в колонии для несовершеннолетних. Поверила, значит. Фух! Можно выдохнуть.

– Хорошо. Пойдем в кафетерий, у меня столько новостей! Кстати, мне тут на ухо шепнули, что к тебе Стифлер клеился.

Не удивительно. Слухи по кампусу быстро разносятся, несмотря на размеры территории.

– Не клеится, просто на вечеринку пригласил, – пожимаю плечами.

– Надеюсь, ты пойдешь.

– Что? – во все глаза смотрю на подругу и пытаюсь найти хотя бы толику сарказма на шоколадном лице. Но его нет – Лили абсолютная серьезность.

– Ой, Габи, не строй такую морду лица, – отмахивается она. – Мне нужно туда пробраться. Как раз заведу тему благотворительного бала, а у этого Стифлера недоделанного все студенты соберутся, даже эти богатые стервы.

– А я тут причем?

– При том, что он всех спаивать будет, а я не хочу попасться.

Боже... И почему ее несет все время в беспросветную зад-

ницу? И отказать нельзя – она же все равно пойдет, только без меня. К тому же обидится и месяц разговаривать не будет. Что произойдет с Лили за этот месяц, не говоря уже о вечеринке у Недостифлера вообще молчу.

– Если я не уеду к брату, то пойду, – отвечаю обреченно.

– Габи, ты прелесть! Что бы я делала без тебя!

«Ты бы сейчас стояла в обнимку со Стифлером, не представляя, какой он на самом деле бабник», – проносится в голове, вспоминая первый курс и первую вечеринку, но на деле я молча глотаю язвительную фразочку.

Подруга тут же душит меня крепкими объятьями. Эй, осторожнее! Я же задохнусь и не доживу до вечера. До встречи с профессором Салливаном...

– А у тебя как все прошло с Салливаном? Он даст тебе исправить доклад?

Вспомнила, называется. Даст. Еще как даст исправить. И деньги заплатит. Только для этого мне придется стать его нижней. Стать игрушкой, которую будут связывать, лупасить плеткой и мучить разными вибраторами. Вроде так в оттенках серого было, да? Или там без вибраторов? Ох, не помню. Но это неважно.

Никто не должен узнать о наших отношениях. О моей встрече с профессором, о наших планах, об играх. О том, что нас скоро будет связывать. Это наш секрет. Наша тайна. Наш мир, в который я войду и больше не выйду. Никогда.

– Не переживай, я решила этот вопрос, – отвечаю четко.

Мы входим в кафетерий, занимаем столик возле прохода. Лили что-то говорит о благотворительном бале, но я слушаю ее вполуха. А затем пропадаю из реальности, когда вижу возле входа статную фигуру в черном костюме. Знакомую. При виде которой замираю на месте не в силах оторвать взгляд.

Не думала, что преподавателей сюда пускают. Профессор Салливан встречается со мной глазами, задерживается на пару секунд, коварно улыбается. А затем разворачивается и покидает кафетерий.

Кажется, сегодня моя жизнь перестанет быть прежней.

Глава 9

Все ли я делаю правильно?

Этот вопрос не дает покоя на протяжении дня. Ответ на него так и не найден, но что-то мне подсказывает, что он не потребуется. Да и как я его узнаю? По отражению в зеркале? Оно мало что говорит, лишь выдает волнение перед роковой встречей.

Я никогда не рассматривала профессора Салливана как мужчину, а тем более как верхнего, способного управлять чужим разумом и телом. Хотя... Может, где-то в глубине души задумывалась о нем. Нет! Неправда! Ну, может, чуть-чуть. Однако сейчас это не имеет никакого отношения – рано или поздно мне придется взглянуть на него иначе. Не как на профессора. А это сложнее, чем кажется.

Я больше не переживаю. Точнее не так – волнуюсь, но не сильно, в отличие от вчерашнего дня. Возможно, потому что я знаю, кто именно меня ждет, с какой целью и к чему это приведет.

К неизбежному краху.

Но так надо, Габи.

Последний раз окидываю себя в зеркале. Строгое платье с пуговицами на груди, волосы слегка завиты в аккуратные волны, туфли с красной подошвой, которую мы красили с Лили из баллончика. Лили... Я ничего ей не сказала. И не

скажу. Не сейчас.

До клуба доезжаю быстро, никого по пути из кампуса не встречаю. К счастью. Видела только краем глаза, как Стифлер играл с ребятами на футбольном поле. Хорошо, что он меня не заметил. Но это так, пустяки.

Ад потихоньку подбирается ко мне, окутывает разум и чувства. Выхожу на своей остановке, через пять минут дохожу до клуба и... замираю, вслушиваясь в бешенный ритм сердца. Вот я и на месте. Сейчас переступлю порог клуба. Вот сейчас. Через пару секунд. И моя жизнь изменится. Раз и навсегда.

«Пороки».

Символично, правда? В этом слове будто хранятся ответы на все интересующие вопросы. Но это не так. Истину поведает только один человек. Когда зайду и окажусь перед ним на коленях, покорно опустив голову вниз. Как он просил.

Бесполезно тянуть минуты, ждать снисхождения с небес. Я уже приняла решение. Непростое. Оно изменит мою жизнь раз и навсегда. И чем дольше простою здесь, тем труднее будет шагнуть в неизвестность.

Его условия просты и в то же время сложны для понимания. Они вызывают страх, и ужас, стоит только вспомнить увиденные картинку в гугле. Его предложение выходит за рамки приличия, оно пропитано порочным запретом. Прямо как название клуба. Если бы не обстоятельства и необходимость в большой сумме для мамы, я бы не стояла здесь и не

вспоминала, что привело меня к отчаянному решению.

Створки двери автоматически разъезжаются в стороны, как только делаю шаг вперед. Слева стоит секьюрити, внимательно проверяет содержимое моей сумочки, просматривает клубную карту с надписью «Гость» и указывает рукой на лестницу. Вскоре вместо слова «Гость» появится мое имя. Габриэль Лаундж. Нижняя. Как ярлык. Поднимаюсь на второй этаж, прохожу длинный коридор в неоновом-красных оттенках.

Чувствую запах мускуса. Запах порока и запрета. Запах моего отчаянного положения. Страшно. Непривычно. Поджилки дрожат, стук каблуков раздается неравномерно, неуверенно. Адреналин в крови заставляет сердце учащенно биться в груди. От неизвестности мои нервы натянуты как тросы. Не до конца понимаю, что ожидать этим вечером, насколько низко будет мое падение.

Замираю перед нужной дверью. Тридцать три. Внимательно рассматриваю цифры вырезанные на деревянной поверхности. Тяну время до последнего. Прикрываю глаза, выдохнув воздух. Так надо, Габи. Так надо. Либо ты, либо тебя.

Поднимаю руку, ещё секунду позволяю слабовольно подумать о побеге, но сжимаю кулак, впившись ногтями в кожу, и стучусь три раза. Вот и все. Слышу за дверью уверенные шаги. Ещё секунда и встречаюсь с его пронзительными черными омутами, готовыми превратить меня в прах.

– Ты опоздала, – раздается низкий строгий голос, вызы-

вающий дрожь по всему телу.

– Простите, я...

– Входи, – не просьба – приказ. И я выполняю его незамедлительно.

В помещении, похожей на гостиничный номер люкс, темно, тишина давит на барабанные перепонки. Гостиная в светлых тонах с мягким диваном и небольшой барной стойкой у окна обманчиво приветлива. Ведь в одну секунду это место может превратиться в обитель дьявола.

– Располагайся, – он показывает на диван. Я присаживаюсь на мягкую поверхность, он следом. Находится на расстоянии двух мест, хотя мне все равно трудно находиться рядом, смотреть в его жгучие глаза. – Воду? Сок?

– Нет, спасибо.

Краем глаза замечаю на кофейном столике два наполненных стакана воды. Уже все решил за меня. Но у меня всегда есть право выбора, верно?

Мужчина делает маленький глоток, оставляет стакан. Наблюдаю за тем, как он завораживающе слизывает маленькую прозрачную капельку с нижней губы. Она пухлее, чем верхняя, еще вчера это заметила. И взгляд его прямой. Пронизывающий. Что под маской, что без, неважно – он порождает желание спрятаться куда подальше.

– Вижу, ты подготовилась, – он окидывает внимательно черное платье до середины бедра и небольшой вырез декольте. – Ты хорошо подумала? – разрывает тишину низким го-

лосом с легким, едва слышным восточным акцентом.

Вот он и задал вопрос, ответ на который я долго обдумывала. Но, вопреки всем предрассудкам и аморальности своего поступка, произношу четко и вкрадчиво:

– Да.

– Что ж, – мужчина ухмыляется всего на мгновение, а затем жестко произносит: – На колени.

Приказ. Жесткий. Не терпящий отлагательств. И я выполняю его, уперевшись коленями о мягкий ковер. Сейчас он не тот человек, спешивший прийти на помощь непонимающей студентке, не тот мужчина, спасший от необратимого шага. Он не мой профессор, а я не его студентка.

Мы переходим необратимую черту, когда нас впредь можно считать любовниками...

– С этого момента наш договор обретает силу. Ни одна живая душа в университете не должна знать о наших отношениях. Только в этом случае ты получишь свои деньги.

Согласна. Сейчас я согласна на что угодно. Да и самой не хотелось бы, чтобы кто-то узнал о необычной связи с преподавателем.

– Ты выполняешь любой приказ. Я прошу раздеться – ты раздеваешься, я прошу сделать мне приятно – ты выполняешь...

... если вы попросите вскрыть себе вены, я это тоже сделаю, не сомневайтесь.

Ирония лезет в самый неподходящий момент. О таком

он меня не попросит. Безопасность. Добровольность. Покорность. Главные правила, нарушение которых несет за собой тяжелые последствия.

– Впредь ты называешь меня Профессором или Профессором Салливаном, – чеканит он уверенно. – Кивни, если согласна.

Киваю, глядя в затягивающие темные омуты.

– Умница, Габриэль.

Мужская ладонь касается моей щеки. Большим пальцем он оттягивает нижнюю губу. Эти уверенные, четко выверенные движения, этот запах, впитавшийся в легкие за какие-то несколько секунд. Этот взгляд. И без того черные глаза становятся еще чернее. Сливаются со зрачком. Они похожи на бездну, в которую я лечу, не надев предварительно парашют.

Не могу оторваться от них. Знаю, что должна покорно смотреть вниз, как послушная кукла для утех. Должна. Но не могу. Пока что. Он не приказывал.

Профессор аккуратно расстегивает пуговицы на декольте моего платья до талии. Стягивает вниз за рукава вместе с лямками лифчика, обнажив стесненные в белье полушария и плоский живот. Его прикосновения мягкие, осторожные, но в то же время четкие, словно он продумал каждый шаг, прежде чем раздеть меня.

Чуткие пальцы уверенно поглаживают мои руки, плечи, поднимаются к шее, смыкаются на ней. Большой палец чуть надавливает на кадык. Контролирует дозу кислорода в лег-

ких. Страх подступает к горлу, но тут же уходит на второй план, когда мужчина ослабляет хватку, а твердый голос произносит:

Страх подступает к горлу, но тут же уходит на второй план, когда мужчина ослабляет хватку, а твердый голос произносит:

– Ты готова служить мне? – поднимает уголки чувственных губ.

– Да, Профессор.

Теперь назад пути нет. Его и не будет. Только что я подписала личный договор с дьяволом. Врата порока защелкиваются за моей спиной. Я сама сделала шаг в пропасть. Ради семьи.

Теперь будь что будет.

Стыд накрывает меня мощной лавиной. Не знаю, куда деть руки и спрятаться от него. От мужчины в темном костюме. Привычный черный галстук, который вижу периодически на парах, висит на барном стуле, две пуговицы белоснежной рубашки расстегнуты. Они открывают небольшой отрезок смуглой кожи. Не загар – она у него от природы такая. Наверное. Опускаю глаза, не могу смотреть на него, когда я так открыта.

– Суть БДСМ в том, что ты отдаешь полный контроль над собой в мою власть. Тебе позволено говорить только когда я разрешу. Ты делаешь все, как я говорю. Без промедлений. Без споров. Не задумываясь о своих действиях. Ты удовле-

творяешь мои приказы, а я – тебя.

В голове возникает рой вопросов. Смущение от того, какие команды может отдать Профессор. И возмущение. Как он себе это представляет, учитывая статусы преподавателя и студентки? Как я могу спокойно выполнить все, что он скажет?

– Если тебе неприятно – сообщай об этом незамедлительно. Наша игра остается игрой и не распространяется на личную жизнь. Есть вопросы? Можешь задать.

– Как? – тут же слетает в губ.

– Легко, – его палец обводит контур моих губ и резко проникает в рот, заставляя вздрогнуть от неожиданности. – Со-си.

Чувствую, как лицо покрывается краской. Его палец у меня во рту. Солоноватый. С твердой подушечкой. Я даже языком не шевелю – он сам дотрагивается до него. Профессор терпеливо ждет, выжидающе смотрит своими магнетическими глазами, будто вот-вот опоздает на утренний рейс.

– Не думай ни о чем, просто сделай, что я сказал, – раздается ближе.

Не думать, значит? Сложно. Очень сложно отбросить мысли на задний план и поддаться его словам, учитывая, что мы встретимся в пятницу на его занятиях, а мне придется смотреть на него, как ни в чем не бывало.

«Эти отношения не для меня», – проносится в голове уже который раз подряд.

«Ты просто не пробовала иначе», – вторит еще одна возникшая в голове мысль.

«Но он же мой преподаватель», – набатом стучит еще одна фраза.

«Тем не менее тебе не противно от требования Профессора».

Да. Не противно. И это меня пугает.

Глава 10

Все еще нерешительно смотрю на смуглую кожу, не шевелюсь. Хочется прикрыть глаза и сделать вид, что меня здесь нет. Однако вкрадчивый и глубокий голос профессора Салливана возвращает в реальность.

– Давай.

И я начинаю нашу игру. Совершаю первое поступательное движение. Обвожу языком подушечку, всасываю губами фалангу. Не отрывая глаз от Профессора. Ни на секунду не прекращая зрительный контакт. Он не требовал, чтобы я смотрела вниз, а я не хочу глядеть на подол своего платья.

Для меня оральные ласки не являются чем-то необычным, но сейчас, выполняя команду Профессора, внутри возникает странное ощущение. словно я делаю что-то запретное, аморальное, не вписывающееся в установленные обществом рамки. За этот проступок мне ничего не будет. И ему тоже. Пока о нас никто не узнает. Черт! А если узнает? Что же будет?

– Не думай! – жесткий голос Профессора заставляет неприятные мысли уйти на второй план.

Не получается полностью отключить мозг и поддаться ощущениям – разум все равно подкидывает неприятные словечки. Однако это происходит уже не так часто. Продолжаю свои манипуляции уже более уверенно, чувствуя внутри

прилив смелости. Это не так страшно, как казалось раньше.

В его глазах мелькает одобрение. Еще немного, и уголки четко очерченных губ поднимутся. Профессор будто хочет улыбнуться, однако мимика скульптурного лица остается прежней. Он всего лишь поворачивает голову в бок. Медленно. То в правый, то в левый. Будто пытается рассмотреть мои посасывания с разных ракурсов. С одной стороны – это смущает, а с другой... Нет. Ни о чем не думать. Поддаться своим ощущениям.

– Прекрасно, – мужчина аккуратно вытаскивает палец и проводит влажную дорожку по контуру моих губ. – Теперьними с себя платье.

«Ну хотя бы не просит его орально удовлетворить. Уже хорошо», – проносится моментально в голове. Может, все впереди? Не думать, Габи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.